

Т. ПАРСОНС, Р.Ф. БЕЙЛЗ, Э. А. ШИЛЗ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ*

Глава 3. Измерения пространства действия

(Толкотт Парсонс и Роберт Ф. Бейлз)

Мы давно считаем, что теория человеческого социального поведения, которую мы технически называем теорией действия, пребывает в процессе движения к общей теоретической схеме, применимой по крайней мере в ряде существенных пунктов ко всему спектру [поведения], от мельчайших образцов экспериментально контролируемого поведения животных до анализа крупномасштабных социальных процессов. Назовем лишь те работы, к которым мы были лично причастны. Это «*Структура социального действия*», «*Анализ процесса взаимодействия*» и недавно опубликованные книги «*К общей теории действия*» и «*Социальная система*». Во всех них господствует эта перспектива. В новейшей истории этой тенденции мысли мы наблюдаем впечатляющее по масштабам схождение элементов теории, происходящих из самых различных источников. Задача этой статьи — задокументировать еще один, совсем недавно сделанный шаг¹ в этом широком процессе, который, на наш взгляд, ощутимо приближает нас к способности дать генерализованную трактовку социального взаимодействия.

Есть пять основных компонентов работы, которые, хотя, как известно, и были прежде широким образом связаны, в последнее время были приведены в гораздо более ясную и отчетливую связь друг с другом, чем раньше. Это (1) набор категорий для непосредственного наблюдения и классификации социального взаимодействия, (2) набор типовых переменных для классификации дилемм выбора в действии, (3) парадигма для классификации аспектов девиантного поведения в институционализированных социальных системах, (4) соответствующая парадигма для классификации аспектов со-

* Начало в вып. 1 и 2 за 2004 г. Перевод выполнен по изданию: *Parsons T., Bales R.F., Shils E.A. Working Papers in the Theory of Action.* N.Y., L., 1953. P. 63–109.

¹ Как отмечалось во введении, статья была написана в ноябре 1951 г. С тех пор в нее не вносилось никаких существенных изменений, только редакторская правка.

циального контроля и (5) недавняя работа, касающаяся природы символизма и его связи с взаимодействием. Можно начать с краткого очерка каждого из этих пяти компонентов, дабы сориентировать читателя и подготовить его к основной дискуссии.

(1) Во-первых, опираясь на широкие основоположения социологической теории, один из нас несколько лет занимался интенсивным анализом процессов взаимодействия в малых группах. Это исследование включало разработку как методов эмпирического наблюдения, так и теоретического анализа. Этот подход был в предварительной форме представлен публике в книге «*Анализ процесса взаимодействия*»². Наш сегодняшний интерес направлен не на эмпирические методы, а на соответствующую теоретическую схему. Суть подхода состояла в том, что малая группа мыслилась как функционирующая социальная система. Утверждалось, что такая система будет сталкиваться с четырьмя основными «функциональными проблемами», которые были описаны, соответственно, как проблемы *адаптации* к условиям внешней ситуации, *инструментального* контроля над частями ситуации при выполнении целеориентированных задач, управления и *выражения* чувств и напряжений членов, а также сохранения социальной *интеграции* членов друг с другом как солидарного коллектива. В связи с этим комплексом проблем системы была разработана классификация типов действия, разбивающая их на двенадцать категорий, представленных на рисунке 1. Можно увидеть, что они распадаются на четыре группы по три типа в каждой и, кроме того, что весь этот набор симметрично упорядочивается в соответствии с несколькими принципами, два из которых можно здесь назвать. Во-первых, каждый из двенадцати типов классифицируется в соответствии с тем, является ли его значимость «позитивной» или «негативной» с точки зрения того, что говорит совершение акта о состоянии решения конкретной системной проблемы, которую он затрагивает. Это различие между типами, находящимися выше (1–6) и ниже (7–12) центральной линии. Во-вторых, каждая из половин подразделяется на типы, наиболее непосредственно связанные с проблемами адаптации и инструментального контроля (4–9), и типы, связанные прежде всего с проблемами выражения эмоциональных реакций и напряжений и сохранения групповой интеграции (1–3, 10–12).

Этот набор категорий широко применялся в эмпирическом наблюдении и анализе ситуаций взаимодействия в малых группах. То, что он был укоренен в общей социологической теории, было очевидно с самого начала, но его связь с некоторыми другими понятийными схемами не была до конца проработана.

² *Bales R.F. Interaction Process Analysis.* Cambridge, Mass., 1950.

Рисунок 1

(2) Другого автора в течение продолжительного времени чрезвычайно интересовал набор понятий, который он назвал «типowymi переменными». В монографии «Ценности, мотивы и системы действия» (написанной совместно с Эдвардом Шилзом)³ было показано, что на своем особом уровне абстракции эта схема образует завершённую систему, которая укоренена в фундаментальной схеме сопнесения теории действия и может использоваться как основа для классификации не только структурных элементов социальных систем, но также паттернов ценностной ориентации культуры и потребностных диспозиций личности.

В «Социальной системе» эта схема получила дальнейшее развитие и применение; более того, там она была использована как основная схема для анализа структуры социальных систем. Базовые определения и классификации этих понятий приводятся в данных работах. Мы не будем останавливаться здесь на их обсуждении, а отошлем читателя к этим двум публикациям. Некоторые общие свойства этих понятий и их взаимосвязи нужно, однако, коротко описать.

Первоначально они мыслились как формулировки основных дилемм выбора в ситуациях, когда для действия не было возможности «пойти во всех направлениях сразу». Решительная ориентация действия должна была, как мы считали, предполагать в каждом аспекте выбор между двумя альтернативами. Эти пять дилемм выбора связываются друг с другом определен-

³ Эта монография включена как часть II в книгу "К общей теории действия" (Toward a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons and E. Shils. Harvard University Press, 1951). Схема типовых переменных разрабатывается наиболее полно в главе I (p. 76 ff.), но используется во всей монографии. Более краткое ее изложение можно также найти в: Parsons T. The Social System. The Free Press, 1951. Chapter II, p. 58 ff. В этой работе она то-же постоянно используется.

ными способами. Две из них — «аффективная экспрессия versus аффективная нейтральность» и «специфичность versus диффузность» — касаются дилемм, с которыми актер сталкивается, решая, как будут организованы его установки по отношению к объектам, особенно его установки по отношению к социальным объектам, то есть другим актерам.

Таким образом, потребностная диспозиция по отношению к данному катектируемому объекту в каждом данном случае должна либо разрядиться в действие, либо быть задержанной; то и другое одновременно невозможно. Так же и сам объект может быть катектирован либо как целостный объект, с точки зрения всех возможно релевантных катектических значимостей, либо только в связи с данным специфическим типом интереса к удовлетворению.

Вторая пара дилемм — дилемма «универсализм versus партикуляризм» и дилемма «аскриптивное качество versus исполнение»⁴ — относится, в свою очередь, к дилеммам, с которыми актер сталкивается, решая, как сами объекты будут организованы в отношении друг друга и в отношении мотивационных интересов актора. Так, объект может быть значим в данном процессе действия либо в силу своих генерализованных свойств, независимых от специфической связи с эго, [то есть] с актором, либо в силу каких-то партикулярных свойств, специфически вытекающих из связи его как объекта с ним. В первом случае его значимость является универсалистской, во втором — партикуляристской. Таким же образом объект может быть значим благодаря качествам, приписанным ему независимо от исполнения его как актора, либо он может быть значим скорее с точки зрения его исполнения, или достижения, в связи с некоторой целью или интересом.

Пятая типовая переменная — «ориентация на себя versus ориентация на коллектив» — не образует пары ни с какой другой и не относится как таковая ни к установочной стороне классификации, ни к ситуационной ее стороне, или категоризации объектов. Причина этого в том, что она относится к проблемам, внутренним для системы взаимодействия, а не к проблемам, внутренним для каждого акта, рассматриваемого обособленно. Она касается того, должна ли ориентация индивидуального актора в какой-то отдельной сфере деятельности напрямую конституировать его солидарность с другими в коллективе или она может оставаться или стать в некоторых пределах независимой от этого. Для самых общих целей анализа систем действия, стало быть, этой пятой типовой переменной можно пренебречь⁵.

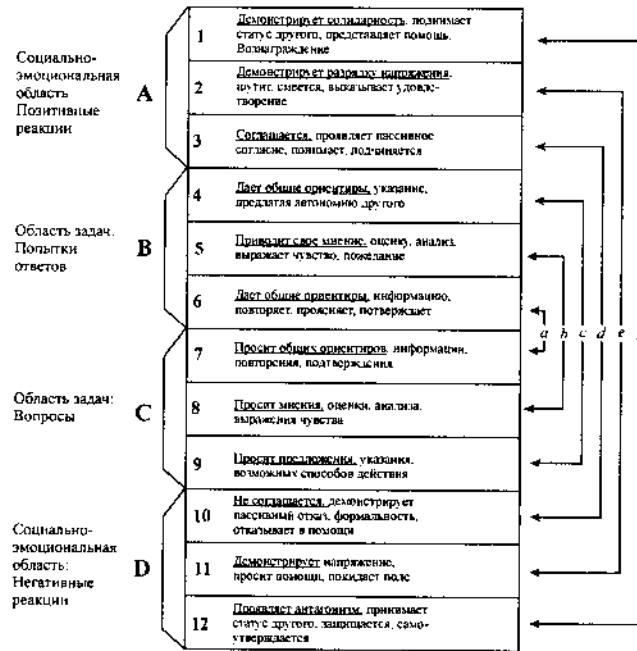
Эта схема типовых переменных, как уже отмечалось, смогла обеспечить систему координат (framework) для генерализованного анализа структурных

⁴ В работах, на которые мы ссылались, для [обозначения] этой пары употреблялись термины "аскрипция versus достижение". Представляется предпочтительным принять здесь более общие термины "качество versus исполнение". Эти термины будут далее использоваться на протяжении всей публикации.

⁵ Мы вернемся к проблеме статуса этой типовой переменной ниже, в главе 5.

аспектов систем действия — как социальных систем, так и личностей — и в этом плане широко применялась. Также было показано, что она напрямую вытекает из самой общей схемы соотнесения действия. Это видно на рисунке 2, взятом из работы «Ценности, мотивы и системы действия».

Рисунок 2

(3) и (4) В работе того же автора в последние два года получила развитие вторая важная концептуальная схема, которая частично задокументирована в «Социальной системе»⁶. Она получила название «парадигма мотивационного процесса». В основу ее положено допущение, что процесс взаимодействия, стабилизировавшийся вокруг конформности в отношении нормативной типовой структуры (normative pattern structure), будет иметь тенденцию продолжаться в стабильном состоянии, если не происходит его нарушения. Конкретно, однако, всегда будут тенденции к девиантности, и, наоборот, этим тенденциям будут обычно противодействовать процессы восстановления равновесия со стороны того же самого актора или других.

(3) Кроме того, утверждалось, что ни тенденции к девиантности, ни тенденции к восстановлению равновесия, то есть к «социальному контролю», не могут проявляться в случайных направлениях или формах. Было показано, что девиация предполагает четыре основных направления, в зависимости от того, имеется ли потребность в выражении отчуждения от нормативного паттерна — включая отказ от привязанности к альтер как объекту — или в поддержке компульсивной конформности к нормативному паттерну и привязанности к альтер, и в зависимости от того, является ли способ действия преимущественно активным или пассивным. Это дало четыре типа направленности: агрессивность и уход, со стороны отчуждения, и компульсивное исполнение и компульсивное принятие, со стороны компульсивной конформности. Далее, было показано, что эта парадигма, полученная независимым способом, совпадает в существенных чертах с той, которая была предложена ранее Мертоном для анализа социальной структуры и аномии⁷.

(4) В анализе социального контроля особое внимание было уделено процессам психотерапии. Здесь возникло ощущение, что можно установить четыре фундаментальных условия успешной психотерапии. Во-первых, психотерапевт должен оказывать «поддержку» своему пациенту, «принять» его как личность. Во-вторых, он должен снисходительно относиться к некоторым действиям и выражениям чувств, которые были бы недопустимы в обычном социальном взаимодействии. В-третьих, он должен быть способен и готов отказаться от отзывчивости к некоторым «уверткам», которые пациент ему адресует, от отношения к нему как к личному другу, родителю, любовнику, личному антагонисту и т. д. Наконец, он должен манипулировать ситуацией в терминах ее значимости как системы вознаграждений для пациента, особенно в плане одобрения самим терапевтом действия пациента как санкционированного его профессиональным авторитетом.

Кроме того, было понятно, что эту парадигму, почерпнутую из анализа терапевтического процесса, можно обобщить и получить тем самым общую парадигму процессов социального контроля, поскольку они воздействуют на системы чувств акторов, а не действуют через «принцип реальности»⁸. В книге «Социальная система» она как таковая и была сформулирована, и там же было показано, что эта парадигма социального контроля непосредственно совпадает по своей структуре с парадигмой девиантности. В итоге возникло чувство, что на парадигматическом уровне была разработана завершенная схема для анализа мотивационного баланса социальной системы и, более того, что эта парадигма не зависит от структур конкретных комплементарных ролей, в которых она себя проявляет. Динамические взаимосвязи между переменными, включенными в эту парадигму, пока еще, однако, не были сформулированы, равно как не были адекватно проработаны ее связи с ролевой структурой, сформулированной в категориях типовых переменных.

⁶ Главы VI и VII. Для удобства соотнесения можно привести следующее схематичное изображение схемы типовых переменных. Оно публиковалось в обеих предыдущих работах, «К общей теории действия» и «Социальной системе». [См. рис. 2.]

⁷ Ср.: Merton R.K. Social Theory and Social Structure. The Free Press. Chap. III.

⁸ Приложение к главе VII.

(5) Наконец, нас обоих издавна интересовало место теории символизма в теории действия вообще и [в теории] социальных систем в частности. Важные ориентиры мы нашли в работах Мида, Кули и Морриса, а также, разумеется, у множества других авторов. Работа, увенчавшаяся монографией «*Ценности, мотивы и системы действия*», привела к существенному прояснению в этой области; и, что особенно важно, в ней было показано, в какой степени культура должна рассматриваться как конституирующая системы общих символов и их смысловых референций.

И все же мы не считали, что анализ символического процесса адекватно интегрирован с общей теорией действия. Наконец, дальнейшее прояснение в этой области было достигнуто в совсем недавней работе; она внесла большой вклад в общий синтез, который мы собираемся описать в этой статье. Пожалуй, самыми важными моментами являются следующие. Во-первых, стало ясно, что различие между когнитивными и экспрессивными символами, для многих целей существенное, не может рассматриваться как радикальное «видовое» различие, а есть [лишь] различие в относительной *первичности* [тех или иных] общих [для них] компонентов. *Каждый* символ, иначе говоря, имеет *как* когнитивные, *так и* экспрессивные значения, одновременно «обозначает» ситуационные объекты и события и «выражает» установки актора или акторов.

Во-вторых, *каждое* явное исполнение актора в процессе взаимодействия является в некотором аспекте экспрессивным символом. Это предполагает, что процесс взаимодействия может организоваться и стабилизироваться только в рамках некоторого множества «конвенций», определяющих общие значения взаимных действий, выступающих в качестве экспрессивных символов. Любое взаимодействие, будь то вербальное или нет, включает в себе в некотором фундаментальном аспекте «говорение» на символическом языке, передающее как когнитивные, так и экспрессивные значения.

В-третьих, процесс взаимодействия не может стабилизироваться, если как с установочной, так и с объектной сторон организации действия участники не выстраивают *комплексы* символически соотнесенных друг с другом установок, символических актов и объектов, благодаря которым элементарные объекты катексиса, вторичные объекты интереса и сами мотивационные компоненты интереса оказываются организованными в системы. Именно *паттернирование* этих символических соотнесений конституирует «структуру» системы действия, в самом строгом смысле. Кроме того, становится ясно, что под «интернализацией» культурного паттерна⁹ мы имеем в виду просто факт *организации* этих элементарных мотивационных и объектных компонентов в рамках взаимного символического соотнесения. Следовательно, в выражении

⁹ Эта статья опубликована в настоящем сборнике как глава 2.

¹⁰ И в равной мере, разумеется, его «институционализацией».

«катексис паттерна» коротко говорится об эмоциональной «инвестиции» актора в сохранение некоторого рода паттернирования этой системы ориентации, [или] способов, с помощью которых организуются его собственные мотивационные компоненты и связь объектной системы с ним.

Это дальнейшее прояснение включения символизма в действие открыло нам путь к гораздо более ясному, чем раньше, пониманию того, что переменные паттерна, или типовые переменные, глубоко вовлечены в то, что было здесь названо взаимной символической организацией компонентов действия. Требования стабильности такой организацией таковы, что между установочными и ситуационными компонентами системы действия должны быть особые *связи*. Эти типы связей, как оказалось, можно сформулировать в терминах комбинаций *одного* компонента типовой переменной с установочной стороны системы и одного соответствующего компонента с ситуационной стороны, или со стороны *объектной категоризации*. Этот способ рассмотрения типовых переменных с помощью классификации, полностью покрывающей те, которые фигурировали во многих прежних анализах структурных проблем, и открыл путь настоящему новому синтезу теоретических компонентов систем действия.

II

Основные связи, которые мы хотим обсудить, схематично представлены, за исключением вовлечения символизма, на рисунке 3. По рисунку видно, что категории процесса взаимодействия, разработанные Бейлзом, и мотивационную парадигму, разработанную Парсонсом, можно, во всех существенных моментах, рассматривать как разные способы концептуализации одного и того же. Способ организации схемы вращается вокруг «функциональных проблем социальной системы», предложенных Бейлзом, и типовых переменных Парсонса и Шилза, особым образом скомбинированных; в этом контексте те и другие оказываются означаемыми по сути одно и то же. Эти утверждения требуют пространного пояснения.

Фундаментальная концепция, лежащая в основе обеих исходных схем, состоит в том, что процесс развертывающегося социального взаимодействия полезно описать в сопоставлении с гипотетической системой, [пребывающей] в состоянии подвижного равновесия. Если бы в эту систему не вводилось вообще никаких новых элементов, то, согласно «закону инерции», установленному в «*Социальной системе*»¹¹, процесс взаимодействия оставался бы неизменным. Но такое статичное равновесие, с теоретической точки зрения, является пограничным случаем. На самом де-

¹¹ Social System, Chapter VI, P. 204-205.

ле постоянно вводятся новые элементы, и эти элементы можно разделить на три класса. Во-первых, через восприятие и осознание ситуации входит новая информация от членов группы или извне, и эта новая информация влияет на ориентации членов. Во-вторых, личности членов только отчасти напрямую конститутивны для группового процесса, и новые элементы – особенно в форме ценностных суждений и эмоциональных реакций – вводятся в интерактивную систему через процессы взаимозависимости между социальной системой, конституируемой групповым взаимодействием, и личностными системами членов. В-третьих, ситуация, в которой действуют (орегате) группа и каждый из ее членов, может в различных аспектах меняться, а потому должны иметь место процессы адаптации к этим изменениям и попытки поставить их под контроль.

Новый элемент, вводящийся в систему, тем или иным образом нарушает ожидания одного или более членов – если только он не был (а такое бывает) полностью «скинут со счета» заранее. Чтобы система восстановила равновесие, должен быть процесс приспособления к этому нарушению, к новой ситуации. Этот процесс нарушения и приспособления мыслится как «колебание» вокруг некоторого равновесного состояния системы, [и это] подвижное равновесие. Действие одного из членов или ситуационное событие, воспринятое одним или более членами, вводит новый элемент, который становится нарушением противоположной ему, то есть вести к восстановлению равновесия, или аналогичной ему, то есть вести к дальнейшему нарушению равновесия. Сложность взаимозависимости элементов системы такова, что очень редко бывает, чтобы одна-единственная реакция восстановила равновесие полностью. Даже в относительно стабильных системах возможна длинная череда процессов действия-и-реакции, которые, однако, постепенно затухают, приводя к стабильному состоянию. Эта тенденция асимптотического приближения к стабильному состоянию будет, между тем, постоянно прерываться введением в систему целого ряда новых элементов, помимо первоначального.

Две названные группы категорий, или парадигмы, хотя были получены независимо друг от друга и совмещены здесь в единую схему, не содержат в себе попытку сформулировать паттерны последовательности разных способов действия и реакции в системе¹², а, по сути, формулируют *измерения*, в которых происходит «движение», или процесс, в системе в ходе взаимовлияния действия и реакции. Чтобы показать это, нужно подробнее объяснить, исходя из какой именно точки зрения был первоначально разработан каждый из этих наборов категорий и, следовательно, какие модификации необходимо в них ввести, чтобы сделать их напрямую сопостави-

¹² Эта проблема рассматривается ниже, в главах 4 и 5.

мыми. В схематичной таблице на рисунке 3 сохраняется исходная терминология. Важно заметить, что в каких-то аспектах эти термины обозначают скорее частные случаи, чем наиболее общий.

Рисунок 3. Соответствия элементов в типологиях взаимодействия Парсонса и Бейлза

Категории Бейлза Негативные движения	Категории Парсонса Типы девиации	Категории Бейлза Позитивные движения	Измерения, связанные с типичными переживаниями
12) Проявляет антагонизм (активность)	Агрессивность (активность)	Поддержка (активность)	Основное изменение – в <i>Интеграционном</i> Измерении. Установка: Катаклиз в форме Диффузных потребностных диспозиций. Связь с объектом: Партикуляристская.
11) Демонстрирует напряжение (пассивность)	Уход (пассивность)	Снисходительность (пассивность)	Основное изменение – в <i>Экспрессивном</i> Измерении. Установка: Некоторые аффективные тенденции остаются Нейтральными (Сдерживание).
10) Не соглашается (пассивность)		3) Соглашается (пассивность)	Связь с объектом: В терминах данных К качества системы.
9) Просит предложений (пассивность)	Компульсивное исполнение (активность)	Отказ во взаимности (пассивность)	4) Дает предложение (активность)
			Основное изменение – в <i>Инструментальном</i> Измерении. Установка: некоторым аффективным тенденциям позволено разрядиться в действие. Связь с объектом: В терминах ожидаемого Исполнения.
8) Просит мнения (пассивность)	Компульсивное принятие (пассивность)	Манипулирование ситуацией (активность)	5) Дает мнение (активность)
			Основное изменение – в <i>Адаптивном</i> Измерении. Установка: Катаклиз в терминах специфических интересов.
7) Просит общих ориентиров (пассивность)			6) Дает общие ориентиры (активность)
			Связь с объектом: Универсалистская.

Аспект ответственности за паттерн (ниже двойной линии)

Аспект ответственности за паттерн (ниже двойной линии)

Категории Бейлза были разработаны для прямого микроскопического наблюдения процесса взаимодействия в малых группах. Они задают схему для классификации того, что делает актер, в терминах мельчайших удобных единиц наблюдения. Термины в таблице служат аббревиатурами этих типов действия: актер «*демонстрирует солидарность*», «*дает предложение*», «*просит общих ориентиров*» и т. д. В каждом случае акт классифицируется согласно тому, что наблюдатель считает *первичной* чертой конкретного акта. При этом полностью понималось, что он не обязательно является единственно значимой его чертой; однако представлялось операционально неудобным пытаться идентифицировать и регистрировать более одной такой черты для каждой наблюдаемой единицы.

Самое важное в категориях Бейлза, с принятой здесь точки зрения, – это предлагаемая им *классификация* на основе позитивной–негативной полярности и на основе четырех системных проблем, обозначенных выше как

интеграция, экспрессия, инструментальность и адаптация. Симметричное упорядочение категорий, разбивающее их на секции «ориентации на задачу» (занимающие в схеме Бейлза срединное положение) и «социально-эмоциональные» секции (по краям схемы), является, как мы увидим, фундаментально важным, наряду с полярностью и внутренней дифференциацией в каждой секции.

Другие наборы категорий, взятые из недавней работы Парсонса и Шилза, были получены исходя из другой точки зрения. Они были сформулированы для более макроскопического анализа и также состояли из двух частей, которые были разработаны независимо друг от друга и затем сведены воедино.

Отличие в уровне [анализа] от категорий Бейлза состоит прежде всего в том, что Бейлза интересовал микроскопический уровень изучения *процесса* взаимодействия как такового. Хотя широкая ролевая структура социальной системы, разумеется, оставалась на заднем плане, организуя ориентации членов малой группы¹³, была открыто предпринята попытка абстрагироваться от институционализированной ролевой структуры. Парсонса, в свою очередь, непосредственно интересовал анализ девиантности и социального контроля *в связи с институционализированными паттернами* социальной структуры как таковой. Кроме того, если типология девиантной роли в системе, то типология элементов социального контроля [сначала была] разработана с точки зрения институционализированной роли врача, или терапевта, а затем перенесена посредством генерализации на другие системы ролей; она формулирует скорее «успешный», чем «неуспешный» (или девиантный) паттерн. Таким образом, в таблицу включена наименее «генерализованная» из различных классификаций. Эти различия в степени абстракции и направлении конкретного применения помогают объяснить тот факт, что двенадцать категорий Бейлза устанавливают некоторые различия, не установленные восемью категориями Парсонса, а также одну асимметрию в сопоставлении «активного» и «пассивного» характера типов действия¹⁴.

Первую часть схемы Парсонса образует парадигма «девиантности». Как только стало ясно, насколько важна для социальных систем интернализация нормативных паттернов общей культуры, постепенно сложилась концепция системы взаимодействия, стабилизируемой вокруг конформности в отношении некоторого данного набора нормативных паттернов. Согласно закону инерции, такая система должна оставаться неизменной, если в нее не входят возмущения. Но каким бы ни был источник возмущения, нарушение равновесия системы должно происходить в одном из немногочисленных

¹³ Эта проблема, разумеется, релевантна для кросс-культурной генерализации открытий Бейлза.

¹⁴ Эти проблемы будут еще раз рассмотрены ниже, в главе 5.

поддающихся определению направлений. Задача, следовательно, была в том, чтобы определить, каковы, с точки зрения самой природы стабилизируемой системы, наиболее важные из этих направлений.

Первым важным озарением в этой связи стало то, что «чрезмерную конформность» следует определять как девиацию. Отчуждение, диспозицию к отходу от паттерна конформного поведения — а значит, стабилизированного взаимодействия, — можно было тогда объединить в пару с «компульсивной конформностью», диспозицией к поддержанию его перед лицом напряжения; но это делало *полную* конформность невозможной. Тем самым эта парадигма была сформулирована в терминах теории мотивации, в центре которой находились понятия интернализации паттерна и амбивалентной природы психологических реакций на напряжение.

Затем была введена идея, что независимо от того, с какой стороны имеет место девиация — со стороны отчуждения или со стороны чрезмерной, или компульсивной конформности, — направленность девиации может быть либо активной, либо пассивной. Это значило, что *относительно стабилизированных ожиданий*, т. е. институционализированного паттерна, эго может отклоняться, либо активно «вмешиваясь в ситуацию», т. е. делая в попытке взять ее под контроль больше, чем требуется ожиданиями, либо в пассивном направлении, не доходя до установления той степени активного контроля, которой требует ролевое ожидание.

Эти две описания дифференциации дали четырехчленную классификацию, которая представлена на рисунке 3 под рубрикой девиантности. В этой точке, как уже отмечалось, стало очевидно, что произошло схождение со знаменитой мертоновской парадигмой связей между социальной структурой и аномией¹⁵. Было также показано, что дальнейшее значимое подразделение типов девиации можно разработать с помощью проведения дополнительного различия между тем, сфокусировано ли напряжение на отношениях с социальным объектом (альтер как персоной) или на паттерне, в отношении которого ожидается конформность. Это предельно близко подвело всю данную классификацию к классификации механизмов приспособления личности¹⁶.

Вторая часть мотивационной парадигмы Парсонса относилась к процессу социального контроля. Как уже отмечалось, изначально она разрабатывалась в связи с попыткой установить некоторые из условий успешной психотерапии¹⁷. Она содержала прямые заимствования из психиатрической литературы и особенно из озарений, которые пришли в ходе изучения психоанализа.

¹⁵ Merton R. Op. cit.

¹⁶ Сравни: Values, Motives and Systems of Action. Chapter II, p. 125 ff, а также таблицу на p. 255; Social System. Chapter VII. P. 259.

¹⁷ Ср. с главами VII и X "Социальной системы", а также со статьей: Illness and the Role of the Physician // Am. Jour. of Orthopsychiatry. July 1951.

Было выделено четыре основных условия (которые, разумеется, должны надлежащим образом сочетаться). Они, как уже говорилось, были следующими. Во-первых, «поддержка» пациента в смысле принятия его как личности, существование «помогающей», «понимающей», не наказывающей установки со стороны терапевта. Во-вторых, снисходительность в том смысле, что терапевт должен быть готов допустить, в известных пределах, выражение чувств и по крайней мере вербальное поведение, которые в других социально интерактивных взаимоотношениях пациента обычно бы запрещались. Негативные санкции в соответствующей степени приостанавливаются, и тем самым пациенту позволяется открыто выражать его девиантные желания, установки и мнения. В-третьих, терапевт должен быть не просто негативно снисходительным, но также должен воздерживаться от ответной поддержки некоторых уверток пациента, базирующихся на ожиданиях того, что терапевт предпримет какие-то открытые исполнения, которые могут быть удовлетворяющими или фрустрирующими с точки зрения пациента. Он должен, как часто говорят психиатры, не дать себя «соблазнить» на вовлечение в ответные действия. Когда он поддается такому соблазну, возникает «контрперенос». И наконец, терапевт должен старательно манипулировать имеющимися у него вознаграждениями, в особенности теми, которые включены в его собственные установки одобрения—неодобрения в отношении поведения пациента, поскольку известно, что генерализация по этой оси имеет фундаментальное значение для взаимодействия. В общем и целом, «интерпретацию» следует рассматривать как умышленное вмешательство в ситуацию, а это означает, в частности, не только содействие в прояснении понимания, но также вознаграждение пациента за понимание, достигнутое благодаря его успешной «работе», или отказ в таком вознаграждении, когда оно ожидалось пациентом.

Далее было показано¹⁸, что эта парадигма может быть генерализована и что ее можно рассматривать как формулировку существенных черт процессов социального контроля, а также социализации, поскольку последняя конкретно включает в себе реакции на напряжения.

Например, в похоронных церемониях присутствует поддержка в форме символической декларации солидарности понесших утрату с коллективами, к которым они принадлежат; имеется также снисходительность в форме дозволения и даже предписывания «реакций горя», выходящих за пределы нормального уровня эмоциональных проявлений; есть отказ от ответной поддержки доходящих до крайности чувств горя, отчаяния и иногда враждебности; и, наконец, есть система вознаграждений, отчетливо структурированная так, чтобы отдавать приоритет «возвращению» на путь восстановления «нормального» социального функционирования.

Или, взяв еще один пример, можно проанализировать с этой же точки

зрения молодежную культуру в нашем обществе. Солидарность группы сверстников дает индивиду поддержку, которая не слишком тесно связана со взрослым обществом, в связи с которым он чувствует напряжение. Вместе с тем взрослое общество в каких-то пределах относится явно снисходительно к «причудам» молодых. В то же время имеются очень важные отказы во взаимности как внутри самой молодежной культурной группы, так и среди взрослых, и, наконец, система вознаграждений в общем и целом структурирована в пользу успешного «взросления».

Итак, оказывается, что парадигмы девиантности и социального контроля могут быть напрямую сведены воедино таким образом, как показано на рисунке 3. Каждый выделяемый по направленности тип девиантного акта может в этих рамках рассматриваться как способ, посредством которого в уравновешенную систему взаимодействия могут вводиться возмущения. Тогда соответствующая категория в парадигме социального контроля может рассматриваться как способ осуществления противодействующей тенденции к восстановлению равновесия.

Так, агрессивный акт, с этой точки зрения, есть нарушение равновесия в том смысле, что он ослабляет солидарность участников интерактивной взаимосвязи. Если солидарность слаба или идет на убыль, то акт поддержки может стать способом ее укрепления. Во-вторых, уклонение от исполнения нормальных ожиданий, каким бы образом оно ни происходило, представляет собой еще одну форму нарушения; при этом в системе должно быть выработано некоторое приспособление, которое бы «заняло место» ожидавшихся исполнений. В свою очередь, снисходительность есть форма «уравновешивания уклонения» в том смысле, что посредством приостановки негативных санкций она позволяет произвести разрядку напряжения без втягивания затронутых этим акторов в антагонизм или иное девиантное исполнение. В-третьих, еще одним способом нарушения равновесия является компульсивное исполнение; хотя оно осязаемо согласуется с ролевыми ожиданиями, оно «утрирует» роль и создает для других сторон трудности приспособления. Так, в состязательной ситуации чрезмерное усердие со стороны одного конкурента может подталкивать к чрезмерности и других.

Иначе говоря, уравновешивание системы зависит от «подгонки» друг к другу уровней исполнения различных участников, так что слишком ревностное исполнение кого-то одного, не будучи подогнанным к исполнениям других, приводит к нарушению равновесия. Соответственно, отказ от взаимности в ответ на девиантное исполнение или, наоборот, введение нужного исполнения там, где произошло уклонение, становится шагом к восстановлению равновесия.

Наконец, компульсивная покорность может рассматриваться как дозволение нелегитимного вознаграждения поведения; она одобряет то, что фактически не соответствует требуемым стандартам. Обратной стороной

¹⁸ "Социальная система", глава VII, последний параграф.

этого являются, в свою очередь, повторное приведение вознаграждений в надлежащую связь с исполнением, воздержание от вознаграждения не достигающего до стандарта исполнения и позитивное вознаграждение того, что стандарту соответствует.

Точка зрения, с которой первоначально разрабатывалась эта парадигма, вносила «погрешность» в том смысле, что процессы девиации и социального контроля составляют очень важный, [но] *особый класс* более общих процессов нарушения и восстановления равновесия в социальном взаимодействии. В более общем смысле «нарушение» [равновесия] не обязательно является девиацией; так, каждый процесс группового решения задачи с необходимостью заключает в себе возмущения, не входящие в противоречие ни с одной признанной нормой, например, введение новой информации в систему. Категории Бейлза, как можно увидеть, формулируют этот более общий случай мелких возмущающих «движений» в относительно стабильном процессе.

Ни в коем случае не следует забывать о том, что в действительном процессе взаимодействия последовательность актов, нарушающих равновесие и восстанавливающих его, не подчиняется этому специфическому паттерну последовательного ряда. Проблема законов, управляющих последовательным протеканием [процесса], — отдельная проблема, которую мы в этой статье рассмотреть не можем. На данный момент мы всего лишь хотим сказать, что для каждого нарушения имеется соответствующий способ восстановления равновесия в процессе, и *vice versa*. Процесс взаимодействия есть процесс действия и реакции, и направления нарушения и восстановления равновесия напрямую друг другу соответствуют.

Одним из результатов помещения парадигм девиантности и социального контроля в этот более общий контекст равновесия интеракционного процесса является то, что оно по-новому высвечивает значимость различия между активностью и пассивностью и, следовательно, включения этих категорий в данную парадигму. Социальное равновесие, или, в более общем смысле, равновесие действия как такового, — это продолжающийся процесс, который предполагает некоторые ожидаемые и воспроизводящиеся уровни исполнения в каждом соответствующем случае. С точки зрения равновесия системы, как мы его в настоящее время анализируем, «активная» фаза процесса, стало быть, может рассматриваться как ускорение процесса действия, а «пассивная» фаза — как его торможение, или замедление.

В любом случае результатом становится нарушение равновесия, которое, в свою очередь, делает необходимым процесс переналадки всей системы. Далее это нарушение может как «вписаться», так и не «вписаться» в стабильный паттерн развития. Как мы увидим, очень важно, что концепция изменения темпа вошла в общую концептуальную схему одним из своих исходных компонентов, хотя поначалу, когда парадигмы девиантности и соци-

ального контроля только начинали разрабатываться, значимость этого не была ясна.

Теперь мы должны перейти к проблемам, представляемым измерениями схемы соотношения действия, поскольку эти понятия были получены из двух разных источников: функциональных проблем социальной системы Бейлза¹⁹ и типовых переменных Парсонса и Шилза. Схождение этих двух линий мысли представляет собой, пожалуй, самый важный аспект того синтеза, который мы описываем; на нем основана категоризация интерактивного процесса, которую мы только что рассмотрели.

Частью схемы Бейлза, которая имеет самое прямое отношение к тому, о чем мы говорим, является классификация четырех функциональных проблем социальной системы, которая, в свою очередь, легла в основу классификации типов актов для целей наблюдения. Напомним, что это были «адаптивная», «инструментальная», «экспрессивная» и «интегративная» проблемы. Бейлз отмечал, что первые три из них можно считать фазами адаптации социальной системы, соответственно, к ее ситуации, к ожиданиям относительно группового исполнения и к мотивационным потребностям ее членов как личностей. В свою очередь, четвертая должна рассматриваться как проблема, происходящая из сложности самой интерактивной системы как внутренне дифференцированной системы. Четко указывалось, что «прогресс» в отношении любой из трех других системных проблем или их комбинации может вести к возрастанию нагрузки на интеграцию системы и, следовательно, требовать действия, специфически ориентированного на восстановление этой интеграции.

В свете нынешних достижений видится любопытная ирония в том, что Бейлз зарезервировал термин «измерение» (*dimension*) для близкого, но иного набора понятий, обозначающих, по сути, разные фокусировки дифференциации социальных систем в структурном смысле — относительно доступа к ресурсам, контроля над действием, престижа и идентификации индивида с группой. Это были, иначе говоря, основные оси ролевой дифференциации в системе, но, как мы теперь видим, не измерения процесса действия как такового.

Как отмечалось выше, понятия типовых переменных Парсонса и Шилза разрабатывались не в связи с анализом процесса взаимодействия как такового, а прежде всего в рамках анализа социальной структуры. После того, как данные понятия были многократно использованы на этом уровне, в конце концов стало очевидно, что они обладают более широкой применимостью и что как система они непосредственно укоренены в схеме соотношения действия²⁰. На этом уровне и в этом соотношении они, как уже отмечалось, широко применялись для структурного анализа как социальных

¹⁹ См.: Interaction Process Analysis. Chapter II. P. 49ff., Chapter V.

²⁰ См.: "Ценности, мотивы и системы действия", глава I.

систем и личностей, так и структурных сочленений между ними.

В течение долгого времени становилось все более ясно, что есть какое-то фундаментальное связующее звено²¹ между полярностями системы типовых переменных, как они были сформулированы, а именно между мотивационным, или установочным полюсом, который анализировался через посредство категорий «аффективность—нейтральность» и «специфичность—диффузность», и ситуационным полюсом, или полюсом категоризации объектов, заключавшим в себе категории «универсализм—партикуляризм» и «аскрипция—достижение» (или, что представляется более подходящей терминологией для наших текущих целей, «качество—исполнение»). Но только тщательный анализ связей типовых переменных с символической генерализацией и паттернированием обнаружил, в чем именно состоит эта проходящая через всю систему связь и что здесь мы фактически имеем иную формулировку того же самого, что было сформулировано Бейлзом в классификации проблем системы, вплоть до точного соответствия числа категорий. Следовательно, нужно вкратце рассмотреть основные положения теории символизма, имеющие отношение к делу, хотя они были полнее изложены в другой статье²².

Их важность относится к области экспрессивного символизма, которой в теории действия, к сожалению, серьезно пренебрегали. Самыми важными отправными точками являются уже приводившиеся выше [положения], что каждый символ имеет как экспрессивные, так и когнитивные смысловые референции и что каждый внешний акт, или исполнение, актора является в одном из аспектов экспрессивным символом, какими бы ни были его другие, или «непосредственные» значимости.

Символы, между тем, редко проявляются в одиночку; они организуются в системы, благодаря которым актер может ориентироваться в своей ситуации и на нее. Такие символические системы должны быть организованными и в контексте когнитивного соотношения, как способы упорядочения объектного мира в его значимости для ориентаций, или «интересов», актора, и в контексте экспрессивного соотношения, как способы упорядочения его установок, то есть его катексисов, по отношению к объектам. Кроме того — и это самое важное, — оба аспекта должны быть сочленены, они должны быть организованы так, чтобы образовать единую систему ориентации актора. Эта система должна быть организована по осям, включающим как когнитивные, так и катектические соотношения.

Организация символических значимостей в системы по сути есть то,

²¹ То, что таких звеньев больше одного, будет показано ниже, в главе 5.

²² Первая попытка продвинуть вперед анализ в этой области была предпринята в главе IX «Социальной системы». Приводимые замечания отталкиваются от этой трактовки. Дальнейшее развитие этой темы можно найти в статье Парсонса «Теория символизма в отношении действия», помещенной здесь в качестве главы 2.

что психологи называют генерализацией. Обсуждаемая организация происходит в соответствии с паттернами генерализации, согласно которым в когнитивном соотношении проводится, с одной стороны, разграничение объектов, а с другой их объединение в классы, а в экспрессивном соотношении разграничиваются (или сегрегируются) и организуются воедино мотивационные компоненты.

В когнитивном соотношении есть два накладывающихся друг на друга способа разграничения и организации символических референций. Первый определяется переменной «универсализм—партикуляризм», второй — переменной «качество—исполнение». Универсалистская организация — самый известный паттерновый тип когнитивной организации; это классификация, которая объединяет объекты в классы и, наоборот, разграничивает их на основе общих для них свойств, значимых независимо от любой специфической связи объекта с эго, например, на основе общих форм, окрасок или типов поведения. Партикуляристский способ организации, в свою очередь, есть организация объектов на основе их общей включенности в специфический реляционный контекст, связанный с эго, например, на основе того, что все они являются «владениями эго». Любые конкретные объект или события могут трактоваться в терминах либо универсалистской, либо партикуляристской значимости для эго.

Другой способ разграничения типов когнитивной организации символов [состоит в разграничении их] соответственно тому, рассматривается ли объект, то есть событие или какой-то другой объект, ассоциированный с событием, как исполнение социального объекта или он значим как последствие исполнения и, стало быть, как выражение интенций соответствующего актора*.

Исполнения как объекты или объектные свойства ситуации действия устанавливают фундаментальную связь между ситуационным и мотивационным аспектами системы действия. Если интенции, «проявляемые» в исполнении, генерализируются в паттерн интенций исполнения (performance-intentions), мы вменяем актору не серию дискретных интенций, а установку, которая, в данном контексте, может быть понята только как случай символической генерализации катексиса, являющейся экспрессивным аналогом когнитивной генерализации.

Генерализация катексиса, в свою очередь, организуется на основе двух накладывающихся друг на друга пар альтернативных способов. С одной стороны, имеется организация отдельных катексисов и ассоциированных с ни-

* Абзац так небрежно написан, что есть смысл воспроизвести его целиком в оригинале: "The other way of discriminating types of cognitive organization of symbols is according to whether or not the object, i.e. event or some other object associated with an event, is or is not considered to be a performance of a social object, or significant as the consequence of a performance and hence as an expression of the intentions of the actor concerned". - Прим. пер.

ми символов вокруг *целостного конкретного объекта* как единичной сущности, в самом важном случае социального объекта. Именно об этом идет речь, когда мы говорим об установке любви или уважения, ненависти или презрения в связи с неким *человеком* как таковым. С другой стороны, те же самые в основе своей катектические компоненты, катексисы объектов и связанные с ними символы, могут организовываться вокруг особых типов мотивационного интереса, которые существуют поверх партикулярности конкретного объекта, так что любой объект, соответствующий спецификациям определенного типа интереса, может быть катектирован независимо от того, какими атрибутами он обладает в иных отношениях.

Вторая пара альтернативных способов организации катектической генерализации связана с тем, позволено ли какому-то катектическому интересу, будь то к диффузно катектируемому конкретному объекту или к некоему типу вознаграждающей значимости, разрядиться в явное действие (исполнение) в данной специфической ситуации или он должен быть сдержан в интересах интеграции системы действия. Аффективный случай конституирует позволение «рвануть» на «зеленый свет» к позитивному явному (*overt*) действию, тогда как «нейтральный» случай — это «красный свет», сигнал сдержаться и подождать. Предполагается, что соответствующий объект непременно катектируется. Поэтому «нейтральность» в данном случае не означает «индифферентности», а означает именно наличие «напряжения», поскольку существует импульс к разрядке в действие, но в то же время и некоторого рода сдерживающая сила. Это набор фактов, значимость которых не была в должной мере оценена вплоть до самой недавней фазы развития представленной здесь концептуальной схемы.

Итак, с учетом всех необходимых оговорок относительно особенностей терминологии, отражающих те особые пути, которыми эти концепции были получены, мы можем сказать, что аффективность непосредственно связана с исполнением в том плане, что, *в отличие от нейтральности*, с мотивационной стороны концептуальной схемы она означает *разрядку* импульса в актуальное внешнее поведение. В свою очередь, исполнение — это соответствующее поведение, видимое с точки зрения наблюдателя; иначе говоря, *это то же, что и аффективность*, но только здесь «актор» видится как *объект*, а не как агент действия²³. Эта связь между аффективностью и исполнением дает прототип для трактовки всех компонентов типовых переменных с точки зрения их связей, *пронзающих* всю мотивационно-ситуационную ось системы, а не ограниченных той или другой ее стороной.

Если аффективность формирует пару со своим аналогом с когнитивно-ситуационной стороны системы, а именно с исполнением, то логично, что и ее «партнер» — аффективная нейтральность — должен соединяться в пару

²³ Рассматриваемым актором может быть либо это, либо альтер. Как исполнитель это является объектом для самого себя, также как и для альтер.

с соответствующим компонентом с другой стороны, а именно «качеством», или, в прежней терминологии, «аскрипцией». Значимость этого второго объединения в пару кроется, судя по всему, в связи между динамическим процессом, с одной стороны, и его потенциалом и последствиями, с другой. Если взглянуть на мотивационную, или «феноменологическую» сторону дела, то аффективность представляет мотивацию в действии, а нейтральность — мотивацию, *готовую воплотиться в действие*. В свою очередь, исполнение, в терминах актора как объекта, представляет актора в *процессе действия*, тогда как качества либо представляют атрибуты, присущие актору постольку, поскольку действие уже завершено (а следовательно, релевантные качества конституируют последствия процесса действия), либо представляют те черты или атрибуты актора как объекта, которые в данный момент не вовлечены в исполнение, в том числе те, которые потенциально могут изменяться в ходе действия. Следовательно, мы и здесь можем сказать, что соединение одного из элементов типовой переменной с мотивационной стороны системы в пару с соответствующим ему элементом с ситуационной стороны позволяет нам увидеть, что мы смотрим на одни и те же по сути феномены с двух разных точек зрения.

Можно суммировать этот аспект системы, сказав, что система действия вовлечена в то, что может быть названо фазами развития. Система или любой данный ее элемент, с точки зрения того, что может или должно произойти, находятся в «состоянии напряжения». Это значит, что если некоторые условия мотивации заданы и не изменяются, то система может соответствующими способами претерпевать процесс изменения, имеющий вполне определенную направленность; иными словами, она, при прочих равных условиях, может изменяться *лишь* в направлении «снятия напряжения». Во-вторых, есть фаза действительного процесса изменения, которая, в зависимости от точки зрения, формулируется как аффективность или как исполнение. Наконец, существует стадия завершения изменения, которая с точки зрения того, что произошло в системе, [то есть ее] нового состояния, представляет собой некоторый набор качеств образующих ее объектов, а с точки зрения того, что *может* произойти в следующей фазе процесса, являет собой аспект нейтральности мотивационной системы, то есть напряжение, еще не разрядившееся в действие²⁴.

Эти две связи, пронизывающие собой всю систему, представляют то, что является в самом прямом смысле «динамическим» аспектом процесса. Этот процесс начинается с напряжения, которое разряжается во внешнее действие, вызывая последствия, которые, в свою очередь, становятся отправными точками для состояний напряжения, мотивирующих, в свою оче-

²⁴ Эта концепция фазового процесса будет разработана подробнее в главе 5.

редь, следующие серии исполнений. Однако эта парадигма не формулирует двух других существенных черт системного процесса, а именно связи этого процесса с «внутренними» чертами ситуации, в которой он имеет место, а также его связи с состоянием интеграции или ее отсутствия в релевантной системе действия.

Первая из этих двух дополнительных отправных точек может быть сформулирована в терминах связи между специфическими мотивационными интересами и теми чертами ситуационных объектов, которые по своей природе подходят для их удовлетворения или угрожают ему, а именно в терминах таких компонентов типовых переменных, как специфичность и универсализм. Это соединение может быть проинтерпретировано в том духе, что генерализация катектических интересов, то есть их организация в установочные системы, должна быть «ориентирована» на непосредственные (intrinsic) характеристики наличного объектного мира. Видимо, эта концепция лежит в основании теорий научения, выносящих на передний план понятие «подкрепления»; [согласно ей], *паттернирование* ориентации на объекты, не приносящее «вознаграждения», то есть не устанавливающее удовлетворяющей связи с объектами, должно вводить напряжение в систему действия. Но, если взглянуть в иной перспективе, это *то же самое*, что и символическая организация когниции объектов в терминах тех их внутренних черт, или свойств, которые не зависят от какой бы то ни было партикулярной связи с эго, и прежде всего от его «желаний». Этот аспект организации действия как системы относится прежде всего к релевантности *данностей* ситуации для ее упорядочения (shaping). В каком-то смысле это обратная сторона качеств, являющихся последствиями прошлых исполнений. Именно качества ситуации, как бы они ни были произведены, должны оказывать воздействие на *мотивационные последствия* акта, или «обуславливать» их, и, следовательно, воздействовать также на состояние напряжения, являющееся мотивационной отправной точкой для последующего действия. Это означает, что успех или неудача в адаптации к ситуационным требованиям системы действия связаны взаимозависимостью с состояниями напряжения, которые мотивируют будущее исполнение.

Наконец, сама система действия может иметь большие или меньшие степени интеграции, изменение которых является функцией всех трех других указанных аспектов процесса действия: нарастания и редукции напряжения, адаптации и действительного инструментального исполнения. В системе социального взаимодействия средоточием проблемы интеграции является солидарность членов группы друг с другом, которая может возрастать или понижаться. Противоположностью солидарности является антагонизм, или агрессия, проявляемая в отношении альтер там, где отношение к процессу выполнения задачи требует взаимной поддержки, а не взаимных помех.

В понятии диффузности формулируется организация мотивационной,

или катектической, системы актора относительно партикулярного объекта как конкретной сущности, неважно, выступает ли в качестве альтер отдельное лицо или коллектив, членами которого оба являются. В любом случае, со стороны структуры объектной системы именно включения альтер или коллектива в партикуляристскую реляционную систему эго и приспособление его мотивации к солидарности этой системы конституируют интеграцию системы действия как в терминах его собственных мотиваций *как таковых*, так и в терминах связей релевантных объектов с ним и друг с другом²⁵.

Теперь должно быть очевидно, что четыре комбинации кросс-системных компонентов типовых переменных, только что нами рассмотренные, идентичны четырем системным проблемам, выделенным Бейлзом, которые лежат в основе его классификации категорий действия. Это сходство не только обнаруживает в свете предшествующего абстрактного анализа свою истинность, но и служит объединению системы категорий Бейлза и категорий мотивационной парадигмы Парсонса как попарно для каждого случая, так и с точки зрения их связей друг с другом. Это наводит на мысль, что в них формулируется нечто фундаментально значимое для теории действия. Наш следующий вопрос звучит так: каковы эти четыре системные категории?

III

Буш первым высказал предположение²⁶, что здесь мы имеем дело с *измерениями четырехмерного пространства* в математическом смысле. С этого момента и далее мы будем исходить из того, что эта интерпретация правильна, и попытаемся развить следствия из этого допущения для природы заключенных здесь переменных и той теоретической системы, к которой они принадлежат.

Также мы будем исходить из того, что пространство, определенное таким образом, является «евклидовым» в том смысле, что хотя оно имеет четыре, а не три измерения, оно «прямолинейно», что по каждому из измерений имеется непрерывная линейная вариация и что время входит в анализ процесса по сути таким же образом, как и в классической механике. Вместо того чтобы пытаться обосновать эти допущения на общих основаниях, мы предлагаем проверить, «работают» ли они, то есть помогают ли нам, применяясь к содержанию теории социального взаимодействия, в организации и генерализации нашего знания в этой области.

Если принять эти допущения, то одним из фундаментальных аспектов процесса в системе действия должно быть «движение» единиц, или «частич», в пространстве, то есть изменение [их] местоположения, определяемо-

²⁵ Читателю будет ясно, что только что приведенные соображения представляют собой, по сути, краткий пересказ приложения к главе 2 (см. выше).

²⁶ Д-р Роберт Р. Буш высказал его в личной дискуссии с авторами.

го и описываемого в терминах четырех пространственных координат. Чтобы строго описать такой процесс, мы должны суметь разместить единицу в пространстве относительно начала координат, а тем самым и относительно других единиц системы, и описать изменение местоположения, происходящее в ходе такого процесса. Иначе говоря, мы должны суметь описать местоположение [единицы] в начальный момент времени t_1 и изменение местоположения в последующий момент времени t_2 . Каждое местоположение должно описываться в терминах *четырёх логически независимых друг от друга фактических утверждений*, по одному для каждой из четырех координат этого пространства, а следовательно, изменение местоположения должно быть определимо как изменение относительно каждой из четырех координат. В конкретном плане, разумеется, вполне можно допустить, что в частном случае изменения не будет происходить никаких изменений относительно одной, двух или даже трех координат. Это можно описать геометрически, сказав, что движение происходит параллельно одной или нескольким осям координат. С математической точки зрения, эта возможность есть один из критериев «ортогонального» характера пространства.

Для каждого измерения мы будем описывать изменение местоположения в каждом из двух наборов терминов. С одной стороны, глядя на процесс в перспективе «феноменологического» описания мотивационной системы актора, мы будем описывать его как некоторым образом содержащий в себе изменение в балансе удовлетворения–лишения актора. Иначе говоря, он включает в себе увеличение или уменьшение удовлетворенности, в соответствующем смысле. С другой стороны, *тот же* процесс будет описываться также с «поведенческой» точки зрения как изменение в организации *связей* между актором и системой ситуационных объектов. «Системные проблемы» Бейлза не проводят различия между этими двумя перспективами. Термины типовых переменных Парсонса, в свою очередь, соединяются в пары именно в соотношении с этой осью: в каждой паре один элемент описывает феноменологический аспект процесса, а другой – поведенческий аспект.

Чтобы прояснить смысл этой процедуры, мы должны как определить термин «единица» (unit), так и охарактеризовать, что мы под ней подразумеваем в связи с системами действия. Первым делом мы можем провести различие между тремя значениями этого термина: 1) Единица измерения, например, дюйм или градус по шкале Цельсия. 2) Единица *конкретно наблюдаемого* процесса или изменения, относящегося к какой-то системе, которая может как быть, так и не быть измеримой в единицах измерения вроде тех, которые были установлены в пункте 1). Так, изменение положения тела на один дюйм в определенном направлении или подъем температуры жидкости на один градус Цельсия могут быть наблюдаемой единицей процесса. 3) Частица (particle), или *единичная часть* (unit part) системы. В этом случае процессы, наблюдаемые в пункте 2), интерпретируются как «внешние проявления» процессов

в системе, заключающей в себе одну или большее число единиц в третьем смысле. Так, длина светлой полосы на фотографическом снимке может интерпретироваться как измерение пути, пройденного планетой относительно вращения Земли; эта полоска *не есть* планета, но интерпретируется как наблюдаемое проявление изменения местоположения этой планеты.

В настоящей дискуссии нас не интересует первое значение термина «единица», но интересует третье, а также его связь со вторым. Мы можем исходить из того, что то, что мы действительно наблюдаем в связи с системами действия, – это «внешние акты» (overl acts), или «исполнения». Мы разделяем объекты этих наблюдений на единицы; это могут быть поведенческие единичные акты, [фиксируемые] в процедуре наблюдения Бейлза, или система таких единичных актов, обладающая любой степенью сложности. В этой связи важно заметить, что здесь наблюдается не только «событие исполнения» само по себе, но также актор, которому принадлежит исполнение, и «целевой» актор, индивидуальный или коллективный, на которого акт направлен. Вдобавок к тому, процедура наблюдения помещает это событие в контекст; оно помещается в последовательность таких актов так, что связывается с предшествующими событиями в системе и – через понятие «ожиданий» – с оценкой вероятностей будущих событий.

Об этой единице можно говорить как о *минимальной поведенческой роли*. Это единица наблюдения в процессе взаимодействия, но она не есть единица, или частица, *системы* действия в теоретическом смысле, и *pari passu* эти наблюдаемые события – не местоположения или движения единицы системы в пространстве действия, а *проявления* этих местоположений или движений. Из этих манифестаций мы должны выводить *посредством умозаключения*, какие изменения произошли в *задействованных переменных* системы действия. Тогда единица, являющаяся частицей системы, – это «гипотетическая» сущность²⁷, которую не следует путать с единицами наблюдения. Именно ей должны атрибутироваться местоположение и изменение местоположения в пространстве действия, а равно и другие свойства, о которых мы будем говорить позже, а именно скорость изменения местоположения, изменение в скорости изменения и «мотивационная сила», или относительная важность в системе. Мы будем называть это системной единицей, в отличие от поведенческой единицы.

Если рассматривается система социального взаимодействия, то единицей системы *всегда* является *роль*²⁸, а если система личности – то *потребностная диспозиция*. Единичным движением действия, понимаемым как часть системы социального взаимодействия, является минимальная роль в этом

²⁷ Она, по меньшей мере, близка к понятию единичного акта, разработанному в книге Парсонса «Структура социального действия», особенно в главе II.

²⁸ Прояснение обоих этих понятий см. в: Toward a General Theory of Action. Part I, Chapter I («General Statement»). Part II.

системном, а не поведенческом смысле. Соответственно, единичный внешний акт (*overt act*), рассматриваемый в контексте личности как системы, может трактоваться как поведенческая единица, являющаяся внешним проявлением движения одной или более потребностно-диспозиционных единиц системы личности. Наконец, должно быть совершенно ясно, что *обе* вышеуказанные системные единицы предполагают интеграцию органической энергии «влечения» с *культурным паттернированием*. Значимость этого будет подробнее обсуждена ниже.

Некоторые методологические проблемы, заключенные в таком взгляде на процесс действия, будут рассмотрены позже. При таких допущениях, однако, уже сейчас можно попытаться как можно точнее сформулировать, что означает изменение местоположения системной единицы относительно каждого из четырех измерений (термины, обозначающие первые два измерения, были немного изменены и, надеемся, улучшены ниже в главе 5).

1. *Измерение инструментального целедостижения (G)* характеризует степень аффективного включения мотивации в процесс внешнего исполнения.

Местоположение В системной единицы, т.е. последующее местоположение, отличается от местоположения А, которое ему предшествует, тем, что, в феноменологическом плане, для рассматриваемого актора произошло или «было произведено» увеличение или уменьшение удовлетворения с точки зрения консумации данной особой целевой ориентации; другими словами, системная единица согласно соответствующим показателям принимается как приблизившаяся к местоположению, определяемому как состояние консуматорного удовлетворения по отношению к цели некоторой особой потребностной диспозиции, или как отдалившаяся от него. Это касается индивидуального актора; для коллективного актора соответствующим целевым состоянием является *оптимальная* организация уровней удовлетворения потребностных диспозиций составляющих его индивидуальных акторов. В поведенческих терминах, В отличается от А тем, что оно ближе к местоположению, определяемому как «достижение цели», или дальше от него. Связь это или, если актором является коллектив, этого коллектива в его релевантной коллективной роли с ситуацией изменилась в сторону целевого состояния или в обратную сторону.

2. *Экспрессивное измерение (E)* характеризует компонент мотивации, который связан с нейтральностью—качеством, то есть степенью напряжения мотивации, нейтрализуемой сдерживанием.

Местоположение В системной единицы феноменологически отличается от местоположения А тем, что «напряжение» либо было редуцировано, либо возросло. Под этим имеется в виду, что система мотивационных импульсов, удерживаемая от разрядки в исполнение нейтральностью ориентации на иные объекты потенциального консуматорного удовлетворения, нежели то специфическое целевое состояние, о котором говорилось выше в

пункте 1, набирает или теряет «силу», то есть «давление к разрядке в действие». В поведенческих терминах, это повышение или понижение «свершения» (*accomplishment*). Это значит, что в отношениях актора с объектным миром установились «качества», которые являются *последствиями* процесса исполнения, но которые, установившись, перестали быть аспектами самого исполнения и стали независимыми от исполнения. Это предполагает тесную связь между последствиями предшествующего процесса и последующими состояниями напряжения.

3. *Адаптивное измерение (A)* характеризует степень когнитивного усвоения (*learning*) интереса — специфической релевантности свойств ситуационных объектов.

Местоположение В отличается от местоположения А тем, что производится увеличение вознаграждающего удовлетворения или лишения в отношении специфического мотивационного интереса или типа интересов. Имеется в виду, что это увеличение не зависит от целевого консуматорного удовлетворения, и его не следует с ним путать²⁹. В поведенческом плане, происходит изменение в *организации связи* актора (индивидуального или коллективного) с ситуацией. Он был «научен» собственным опытом и стал лучше адаптирован к ситуации. Фактически речь идет о том, что усвоенная адаптация и вторичное вознаграждение — *это одна и та же вещь*, видимая с разных точек зрения.

4. *Интегративное измерение (I)* характеризует уровень диффузно-партикулярностной интеграции системного единичного акта в систему.

Местоположение В отличается от А тем, что было произведено повышение или понижение «оптимизация удовлетворения»³⁰ для системы (если это личность) или «взаимной подгонки» единиц в системе (если это социальная система). В любом случае речь идет о целостном последующем равновесии той *системы* действия, в которую эта конкретная единица интегрируется. В поведенческом аспекте это означает, что произошло повышение или понижение достижения *ценности системой как системой*; иначе говоря, в этом положении данная единица внесла вклад в это достижение. Системная интеграция, таким образом, рассматривается здесь как *измерение* в теории действия, а не просто как «феномен».

Эти четыре направления движения, или изменения местоположения, действия являются, как мы полагаем, измерениями некоторого пространства. Чтобы завершить описание и анализ событий в такой рамке (*framework*), мы должны уточнить некоторые дополнительные факты, относящие-

²⁹ По всей вероятности, это увеличение можно законно рассматривать как эквивалент вторичного подкрепления, тогда как повышение целедостижения служит эквивалентом первичного подкрепления.

³⁰ Values, Motives and Systems of Action. Chap. II. P. 121.

ся к единицам, понимаемым как размещенные и движущиеся в таком пространстве, а также к системам, которые состоят из множества таких единиц, вместе образующих систему.

Первый и стратегически первостепенный вопрос заключается в том, что имеется в виду под скоростью (*rate*) изменения местоположения такой единицы в пространстве; и с ним тесно связан вопрос о том, что подразумевается под изменением в скорости изменения такого местоположения. Касательно обоих этих вопросов мы полагаем, что выше уже адекватно определили, что имеется в виду под «направлением» процесса. Направление изменения понимается как «результатирующая» перемещений по четырех координатным осям пространства.

Есть два уровня, на которых мы можем подойти к первой проблеме: «абсолютный» и «относительный». Можно предположить, что проблема того, что может представлять собой скорость изменения в абсолютном смысле, — это «псевдопроблема». Это утверждение означает, что любая система, как мы не раз уже предполагали, обычно имеет некоторый установленный уровень, или тренд, процесса и что этот процесс имеет тенденцию протекать неизменно, пока ничто этому не мешает. В терминах действия мы говорили, что такой процесс обычно имеет свои установленные уровни «исполнения».

Если исходить из этой тенденции к постоянству, или «инерции», то проблему можно сформулировать релятивистски. Тогда важно найти точки отсчета, относительно которых могут измеряться вариации в скорости процесса. А это, в свою очередь, представляется неотделимым от вопроса установления начала координат, относительно которого может определяться местоположение в пространстве действия.

В трехмерном евклидовом пространстве выбор начала координат в принципе всецело произволен, и, соответственно, точка отсчета для измерения скорости и изменения в скорости тоже произвольна. Кажется по меньшей мере сомнительным, чтобы это было верно для пространства действия, как мы его определили, и для концепции скорости процесса в такой системе.

Эта проблема, по-видимому, связана с тем, что для пространства теории действия в некотором смысле существуют «границы», которым нет близких аналогов в пространстве классической механики. Следует обратить внимание на три таких ограничивающих свойства (*boundary-features*). Первое из них кроется в концепции целедостижения системного единичного акта. Параметр близости к достижению такой цели или отдаления от него, по-видимому, предполагает, что в отношении отдельной поставленной цели имеется состояние, в котором она оказывается достигнутой, что противоречит понятию бесконечного расширения процесса в этом направлении. Чтобы рассматриваемую цель релятивизировать, нужно произвести некоторое изменение в точке отсчета. Это, конечно, никоим образом не исключает возможности «гнездовой» связи между целями — но эта проблема определенно требует специального рассмотрения.

Второе «ограничивающее условие» относится к параметру напряжения. Что бы мы ни могли сказать о верхних пределах напряжения, безусловно есть понятие напряжения, падающего до нулевой точки. И, наоборот, нам также представляется, что понятие отрицательного напряжения не имеет смысла. В свете вышеприведенного обсуждения мы, вероятно, можем сказать, что эти две границы дополняют друг друга. Они, по-видимому, означают, что в некотором смысле система действия не является «самообеспечивающей» системой. Есть «вход» энергии, или «силы», в эту систему, который, как можно предположить, приходит из организма в биологическом смысле. Это проявляется в системе как состояние «напряжения», относящееся как к самой системе, так и к единичному акту. Напряжение в этом смысле, однако, развивается по градиенту уменьшения в направлении достижения цели. Если бы в системе действия была только одна цель, то достижение цели и нулевая точка напряжения были бы тождественны. Но система действия — это система, состоящая из множества таких единиц, то есть ролей или потребностных диспозиций, каждая из которых связана со своей целью. Состояние напряжения любой отдельной единицы выражает, стало быть, некий «экономический», или аллокативный, баланс между энергией, которой позволено включиться в исполнение, относящееся к некоторой цели некоторого отдельного единичного акта, и другими целями или «интересами» системы. По всей видимости, именно поэтому снятие и нарастание напряжения по существу должны трактоваться как изменяющиеся независимо от целедостижения.

Третье ограничивающее свойство системы относится к интегративному измерению. Важность этого измерения прямо вытекает из того, что в теории действия мы имеем дело с тем, что было названо системами, поддерживающими свои границы, в то время как системы классической механики не являются системами, поддерживающими свои границы. В механике — в силу законов сохранения материи и энергии — система не может «перестать существовать», она может только «измениться». Но система, поддерживающая свои границы, может перестать существовать, слившись со своей средой; иными словами, различие между феноменами внутри границы и феноменами вне ее исчезает. Дезинтеграция системы, поддерживающей свои границы, есть не что иное как именно это *исчезновение различия* между «внутренними» состояниями и средой. Именно это имеется в виду под смертью в биологическом смысле.

Разница внутренних и внешних состояний может поддерживаться только путем непрерывного процесса обмена через границу [между ними]. Этот обмен включает «потребление» системой действия энергии, входящей из внесистемных источников, то есть из организма. Также он включает адаптивные процессы, в ходе которых «функциональные потребности» системы действия удовлетворяются путем «утилизации» заключен-

ных в ситуации ресурсов, то есть наличествующих в ситуации «возможностей». Адаптивный процесс, или «научение», как мы обозначали его выше, может пониматься по существу как процесс, посредством которого возможности становятся утилизируемыми и утилизируются в действии. Если смотреть на дело в этом ключе, то очевидна фундаментальная связь между интегративными аспектами такой системы, поддерживающей свои границы, и адаптивными ее аспектами. Движение в этих двух измерениях должно быть по своей природе взаимосвязанным, но не может быть при этом тождественным. Рост интеграции системы без соотнесения с адаптивными соображениями предположительно невозможен, разве что в очень узких пределах; это все равно как если бы организм продолжал утилизировать энергию, перестав чем бы то ни было питаться. В свою очередь, адаптация без интегративных процессов конституировала бы попросту растворение системы, ее слияние со средой.

Вопрос о пограничном процессе (boundary-process) можно пояснить чуть подробнее. Мы должны резонно исходить из наличия двух фундаментальных источников влияния на систему действия извне. Первый из них — это приток энергии в систему из организма или организмов, втянутых [в действие]. Этот фактор не концептуализируется ни в одном из четырех измерений процесса внутри самой системы, а это значит, что он может воздействовать только на *скорость*, но не на направление этих процессов; он, можно сказать, не является фактором «ориентации».

Второй фундаментальный источник влияния на систему извне — через *адаптивные* процессы, концептуализируемые в связи с движением отдельных единиц и всей системы в целом в третьем из рассмотренных выше измерений. Здесь происходит *когнитивный* «вход» через границу в систему, то есть вход «информации». Этот вход опять-таки должен классифицироваться в терминах двух фундаментально разных источников, хотя и не каналов. Первый из них относится к «перцепции» несоциальных и несимволических объектов актором.

Система действия, взаимодействующая лишь со средой не-действия, ограничивается перцепцией-когницией, в этом смысле, как своим источником «информации». Соответственно, инструментальное измерение формулирует пограничный процесс такой системы в противоположном направлении, а именно в плане того, что система «производит», в плане ее «выхода», который в рамках самой системы является ее собственным ценностным свершением, в отличие от адаптивной связи со средой; это *контроль*, в отличие от адаптации.

Но если мыслить систему действия как взаимодействующую с другими системами действия, то появляются дополнительные и фундаментальные для нас усложнения пограничных процессов взаимообмена. Одно из них мы можем сформулировать, сказав, что в этом случае вход через адаптивные

процессы включает информацию, принимаемую посредством «коммуникации», то есть информацию из других систем действия, [принимаемую] через *символические* посредники; тогда некоторые из объектов ситуации интерпретируются как символы, которые имеют преднамеренные значения, вложенные в них каким-то актором. И разумеется, наоборот, фундаментальную часть выхода из системы будут составлять коммуникации, [адресованные] другим системам действия, личностям, коллективам или их подсистемам.

Как вход, так и выход коммуникации могут иметь по существу такую же значимость для системы, какую имеет перцепция ситуационных объектов чисто адаптивным способом, а также [такую же], какую имеет контроль над ними в интересах инструментальных целей. Однако в каждом данном случае дело не обязательно обстоит так, а для взаимосвязей целостных систем действия дело *не может* обстоять так. Принципиальная причина этого, как мы уже указывали, состоит в том, что исполнение в процессах взаимодействия с *необходимостью* приобретает значение экспрессивного символа. Следовательно, в коммуникации происходит передача не просто «информации» в сугубо когнитивном смысле, но также интенций актора, то есть его установок. Стабилизация взаимности установок, между тем, подчинена условию, которое мы в социальных системах называем «солидарностью». В сущности, именно это мы имеем в виду под *интеграцией* системы действия, [то есть] организацией катексисов подсистем, [в силу которой] они конституируются в систему, так что просто экспрессивной коммуникации *между* системами уже нет, а то, что было прежде дискретными системами действия, становится теперь в какой-то степени одной системой с установленными границами, [отделяющими ее] от того, что находится вне ее и является для нее внешней ситуацией. В любой такой системе, стало быть, есть адаптивные процессы и процессы инструментального исполнения ролевых или потребностно-диспозиционных единиц, связанных друг с другом и с системой, частями которой они являются. Но, вместе с тем, имеются также экспрессивная коммуникация и вариация интеграции как функция экспрессивного фактора.

Именно в свете этих соображений и нужно подходить к проблеме того, что подразумевается под скоростью процесса действия. Постоянная скорость будет относиться к утилизации в системе действия энергии, входящей [в нее] из соответствующего организма или организмов. Она будет «конвертироваться» из «нейтральной» потенциальности в аффективное исполнение, в целедостижение, в конечном итоге в последствие. Постоянная скорость будет конституировать стабилизированное протекание такой энергии через систему, производящее стабилизированный темп исполнения для рассматриваемых единиц и системы как системы. У нас пока нет технических средств для измерения этого потока, но приведенные выше соображения дают нам определение того, что имеется в виду, достаточно точное, чтобы

проблема изобретения этих средств измерения не составляла для нас непреодолимого затруднения.

На второй вопрос, касающийся того, что такое *изменение* темпа процесса действия, мы в целом уже ответили. То, что мы назвали «активностью», следует понимать как ускорение этого темпа относительно данного стабилизированного протекания процесса, а «пассивность» – как торможение, замедление процесса относительно стабилизированных ожиданий.

Наконец, существует вопрос по поводу единиц систем действия и их связей друг с другом, на который в данный момент нужно ответить хотя бы предварительно. Это вопрос о том, что имеется в виду под «мотивационной силой», или потенциалом, системной единицы. В качестве отправной точки мы можем взять приведенное выше соображение, что нужно отличать измерение целодостижения от измерения редукции напряжения, поскольку мотивационная энергия системы должна быть распределена (allocated) между множеством единиц. Условием порядка, то есть равновесия, в системе действия является то, что эта аллокация должна быть определенной, но не обязательно равномерной. Суть дела здесь состоит в относительной *важности* различных единиц системы с точки зрения их влияния на процессы в этой системе. В рамках социальной системы это, видимо, близко к тому, что мы имеем в виду под властью актора в роли, причем неважно, индивидуальный это актор или коллективный. В рамках личности мы нуждаемся в соответствующей концепции относительного акционного потенциала (action-potential) разных потребностных диспозиций в системе. Престиж в социальной системе, со своей стороны, не является этим потенциалом, а есть один из аспектов набора последствий прошлых процессов в системе, посредством которых единицы адаптировались, каждая по-своему, к своим ситуациям и встроились таким образом в интеграцию системы. Это упорядочение в дифференциальных терминах системы вознаграждений, которое по своей природе должно быть относительно хорошо интегрированным с системой власти, но не тождественно ей.

Из этих же по сути соображений мы выводим предварительное решение проблемы начала координат для анализа процессов в пространстве действия. Предварительно можно сказать, что, в силу только что рассмотренных нами пограничных свойств этого пространства, начало координат не может быть произвольным. Сущностным свойством этих границ является то, что должно быть распределение энергии в пределах системы и что система должна быть организована относительно этого распределения и компонентов, которые в нее вовлечены. Как экспрессивное измерение, или измерение напряжения, так и интегративное измерение формулируют для каждого отдельного процесса это соотношение со свойствами системы в целом. Следовательно, начало координат должно соотноситься с той *конкретной системой*, которую мы анализируем. Мы предварительно предполагаем,

что для каждой данной системы может быть *только одно* начало координат. Изменение начала координат, таким образом, означало бы переход в другую систему координат. Также мы предполагаем, что этот факт фундаментально значим для теории действия и ее истории. Строгая приверженность [выбранным] системам координат, то есть началам координат, оказалась одним из самых плодотворных источников затруднений в этой области. Из-за того, что очень часто их со всей строгостью *не* придерживались, разные трактовки одной и той же проблемы и разных проблем обычно оказывались несоизмеримыми. Это безусловно сыграло главную роль в явной неспособности социальных наук к кумулятивному прогрессу.

Из того, что начало координат должно соотноситься с конкретной анализируемой системой, вытекает важное следствие. Ибо в определении единиц системы и самой системы мы включали набор интернализованных и институционализированных паттернов культуры. Отсюда следует, что самый элементарный анализ процессов поддержания равновесия в системах действия должен допускать постоянство этих паттернов культуры. Проблемы изменения в самой культуре, имеющие, разумеется, огромную эмпирическую значимость, неизбежно вовлекают в поле зрения дополнительные соображения, рассмотреть которые мы здесь не пытались.

В связи с началом координат есть еще одна важная проблема. Речь идет о ее связи с позицией наблюдателя. Для теории действия на его символических уровнях³¹ принципиально важно, что наблюдатель должен коммуницировать по символическим каналам, прямо или косвенно, с теми, кого он наблюдает. Стало быть, начало координат для анализа наблюдателем процесса в системе действия должно быть таким, чтобы *он сам был включен в анализируемую систему*. С точки зрения социальной системы, это означает, что роль наблюдателя должна эксплицитно анализироваться и трактоваться как часть системы.

Этот взгляд подтверждает то широко распространенное прежде мнение, что взаимозависимость наблюдаемого материального бытия и наблюдателя является существенным элементом наук о действии, в отличие от физических наук или, по крайней мере, классической механики. Мы не можем согласиться, однако, с такими авторами, как Винер³², в том, что это фундаментальный барьер для прогресса в нашей области. Мы считаем, что теория социальной системы, благодаря своему анализу ролей, обладает ресурсами для того, чтобы адекватно справляться со своими проблемами. Это соображение, однако, четко проясняет некоторые из трудностей, которые сложились в области психологии личности, не сумевшей принять во внимание роль наблюдателя. Это по сути дела одна из самых убедительных demonstra-

³¹ "Социальная система", глава XII; "Анализ процесса взаимодействия", глава II.

³² Публичные лекции в Гарвардском университете и в других местах.

ций того факта, что теория действия — единая концептуальная схема и что изучение личности, выходя за некоторые пределы, сталкивается, не прибегая к помощи теории социальных систем, с серьезными затруднениями, причем даже там, где взаимодействие исследуемой личности с другими не изучается ни в каких других аспектах, кроме того, который вытекает из того факта, что за этим человеком наблюдают.

Соображения, которые только что были рассмотрены, можно обобщить с некоторой точки зрения так: теоретическая система, которая нас здесь занимает, характеризуется фундаментальной асимметрией. Наглядным подтверждением обоснованности наших дедукций на теоретическом уровне является то, что указанная асимметрия оказывается аспектом «симметричной асимметрии» той схемы типовых переменных, которая была впервые разработана в «Ценностях, мотивах и системах действия» и получила дальнейшее развитие и применение в «Социальной системе».

Существенной отправной точкой служит тот факт, что в каждом «конце» системы действия, сформулированном в терминах типовых переменных (конце организации установок и конце организации объектов), имеется четырехчастная таблица фундаментальных возможностей комбинации компонентов. Они ранее устанавливались как основные классификации личных и социальных ценностей, соответственно, или как классификации установок и статусных категоризаций³³.

Если бы, как предполагали первоначальные классификационные таблицы комбинаций типовых переменных, были возможны «случайные» комбинации, пронизывающие всю систему, то было бы не четыре возможных «измерения», а шестнадцать. Ограничение таких комбинаций четырьмя выше названными, подразумевающее исключение трех четвертей логических возможностей, явно заключает в себе ряд фундаментальных допущений, или постулатов.

Первое допущение, лежащее в основе исключения некоторых из этих логических возможностей, вытекает из того, что сами компоненты типовых переменных трактовались с самого начала как спаренные, так что каждая пара устанавливала одну дилемму выбора. Далее, и это во-вторых, с точки зрения «сторон» системы, каждая пара оказывается связана с парой с другой стороны; между этими комплементарными парами нет пересечений. Это означает, что аффективность—нейтральность образует пару только с исполнением—качеством, а специфичность—диффузность — только с универсализмом—партикуляризмом. Каждое из этих спариваний и исключение другой возможности предполагает один постулат. И это оказываются те самые постулаты, которые мы вывели из соображений об ограниченности пространства действия.

³³ См.: Ценности, мотивы и системы действия, рисунки 3 и 4.

Первый постулат состоит в том, что система действия рассматривается как содержащая в себе *однонаправленный процесс*. Как мы говорили, «энергия» непрерывно «поступает в» систему и «расходуется». Не бывает спонтанного обращения этого процесса в противоположную сторону из источников внутри самой системы. Энергия конвертируется в целедостижение и последствие, но последние не могут быть напрямую конвертированы в энергию. Это положение можно выразить и другими словами. Из шестнадцати «регионов» пространства, расположенных выше и ниже начала координат, этим постулатом исключается вся негативная область. Понижение значений в инструментальном измерении и экспрессивном измерении должно, иначе говоря, останавливаться на нулевой точке. Там, где напряжение нулевое, нет действия и не может быть мотивации к исполнению. Возможно только *распределение* напряжения в системе, но никак не абсолютный его дефицит. Кроме того, когда все цели достигнуты, действие должно остановиться.

Второй постулат касается связи между движением в адаптивном и интегративном измерениях. Он тоже гласит, что негативная часть пространства исключается как [возможное] местоположение единичного акта. И это опять же по существу означает, что интеграция *не может быть негативной*. Причина этого, в свете принятых выше допущений, почти очевидна. В нулевой точке интегративного измерения система как система перестает существовать; иначе говоря, границы этой системы исчезают, и она сливается со средой. В терминах действия, исчезает различие между актором и ситуацией; система является *всего лишь ситуацией для какого-то другого актора или акторов*.

Ограничения на комбинации типовых переменных в рамках системы, тем самым, по сути конституируют способы формулировки двух решающих фактов, касающихся системы, которые мы выше подчеркивали. Первый состоит в том, что это система, которая «потребляет» энергию, или мотивационную силу, а следовательно, закон сохранения энергии неприменим к системе действия как таковой. Второй состоит в том, что это система, которая требует *организации* относительно ситуации, или среды, и эта организация препятствует совершенно «свободному» взаимобмену между внутренней и внешней системами. Если прекращается вход энергии или полностью дезинтегрируется организация, то система как обособленная система, поддерживающая свои границы, перестает существовать.

Должно быть ясно, что системы действия должны рассматриваться как системы, поддерживающие свои границы, не только по отношению к системам не-действия, то есть физико-химическим или биологическим системам, но и по отношению к *другим* системам действия. Смерть индивида конституирует в этом смысле исчезновение его личности как эмпирической системы действия, происходящее вместе с разрушением организма как поддерживающей границы биологической системы. По-видимому, это един-

ственный способ, посредством которого личность как система действия может радикально «умереть».

Социальная система, в свою очередь, может перестать существовать вследствие исчезновения ее границ как по отношению к личностям ее членов, так и по отношению к другим социальным системам. Каждый коллектив есть, в этом смысле, социальная система. Значимость пятой типовой переменной — «ориентация на себя vs. ориентация на коллектив» — для настоящего контекста проявляется именно здесь. В ней устанавливается фундаментальный факт, что социальная система может распасться, но все еще сохранять в нетронутом виде поддерживающие границы свойства составляющих ее личностей и других коллективов, в которые эти личности вовлечены. Эта типовая переменная конституирует концептуализацию того фундаментального факта, что имеется особый уровень интеграции не просто систем действия, а *внутри* этих систем, а именно [того], что взаимодействующие индивидуальные акторы конституируют не просто *какую-то одну* социальную систему, а систему социальных систем, коллективов, каждый из которых может возникать и распадаться вследствие процессов внутри системы взаимодействия. Личности, какими мы их знаем, не могли бы развиваться без вовлечения в коллективы, в том смысле, в каком мы здесь о них говорим. Но это не значит, что выживание личности как системы, поддерживающей свои границы, привязано к выживанию какого бы то ни было *частного* коллектива. Это можно считать третьим *фундаментальным* свойством систем взаимодействия, наряду с однонаправленным процессом и потребностью в организации на более общем уровне.

Мы специально фокусировали внимание на взаимодействии множества индивидуальных акторов. При этом мы время от времени отмечали, что есть и более общий случай действия, отделимый от взаимодействия в этом смысле. Это уровень, трактуемый в общих чертах в «психологии поведения». Мы между тем считаем, что свойство интеграции коллектива, возникающее с социальным взаимодействием, лежит в фундаменте свойств не только социальных систем, но и человеческих личностей как систем действия. Точнее, роль символических процессов, в отличие от более элементарных знаковых процессов, по-видимому, неразрывно связана с взаимодействием и интеграцией индивида в коллективы. С этой точки зрения, психология личности, в отличие от психологии поведения, должна быть по своей природе социальной психологией. Она не может отвлечься от включенности индивида не только в социальное взаимодействие, но и в коллективы, обладающие свойством солидарности. Пожалуй, это всего лишь иной способ выражения той мысли, что человеческая личность должна иметь «супер-эго».

IV

Если мы все сделали правильно в определении пространства, единиц, которые должны быть размещены в этом пространстве, природы изменения

местоположения в пространстве и, наконец, систем единиц, которые понимаются как движущиеся взаимозависимо с точки зрения местоположения, направления и скорости изменения местоположения в качестве систем, то далее возникает вопрос о том, в состоянии ли мы сформулировать какие-либо общие условия, управляющие равновесием таких систем. В сущности, именно это подразумевается под формулировкой «законов» системы, а именно ряда таких фундаментальных обобщений о природе процессов поддержания равновесия, чтобы было возможно, применив их, дедуцировать природу и направления тех изменений, которые будут происходить в системе вслед за тем, что мы назвали выше нарушением ее равновесия, при условии, что эта система и в самом деле восстанавливает свое равновесие.

Мы склонны предположить, что некоторые такие обобщения уже неявно присутствовали в том, что мы говорили, и нужно только их эксплицировать.

Первое из них — это утверждение, что процесс действия, включающий взаимодействие между множеством акторов, будет иметь тенденцию протекать неизменно, пока не столкнется с каким-нибудь препятствием и не собьется с пути, то есть пока в систему не будет введено то, что мы назвали возмущением. Это обобщение было эксплицитно сформулировано Парсонсом³⁴ и стало у него фундаментальной точкой отсчета для трактовки мотивационного процесса в социальной системе. Очевидно его близкое сходство с законом инерции в классической механике. Это всего лишь иной способ формулировки одного из аспектов того фундаментального постулата, что мы имеем дело с системами, поддерживающими равновесие.

Второе обобщение, или закон, с ясностью вытекает из нашей трактовки процесса взаимодействия как такового. Оно состоит в том, что как только в равновесную систему вводится возмущение, обычно возникает реакция на это возмущение, ведущая к возвращению системы в равновесное состояние. В качественном отношении мы все это время предполагали, что данная реакция будет противоположна по направленности исходному нарушению; в этом основной смысл всей полярности той схемы для анализа взаимодействия, которую мы здесь представили. Одним из способов выразить это будет утверждение, что девиантности должны противодействовать механизмы социального контроля. Мы можем выдвинуть гипотезу, что реакция не только противоположна нарушению по направленности, но и в каком-то смысле количественно равна ему по мотивационной силе. Это сделало бы данное обобщение прямой параллелью закону действия и противодействия в механике. Трудно понять, как могло бы сохраняться равновесие без этого количественного равенства. Насколько нам известно, это обобщение никогда еще эксплицитно не выдвигалось в отношении всех систем действия, одна-

³⁴ "Социальная система", глава VI.

ко Бейлз не так давно открыто принял его как фундаментальную посылку в своей попытке построить математическую модель для некоторых эмпирических характеристик процесса взаимодействия³⁵.

Третье обобщение относится к изменениям скорости процесса действия. То, что такие изменения зависят от того, что часто называют «усилием», очень близко к банальности. Фактору усилия было отведено много места в работе Парсонса «*Структура социального действия*»; теперь его можно отождествить с фактором активности—пассивности, обсуждаемым в настоящей статье. Эта последняя формулировка должна заменить прежнюю, поскольку эксплицитно выражена в терминах связи фактора усилия с равновесием системы действия. Здесь утверждается, что увеличение или уменьшение усилия будет в отношении установленной скорости процесса действия создавать нарушение равновесия, и эта возможность была непосредственно встроена в парадигму взаимодействия, представленную выше на рис. 3. Чего пока еще нет, так это количественного утверждения, и здесь нам опять хотелось бы предложить в качестве гипотезы, что изменение в скорости процесса действия прямо пропорционально величине мотивационной силы, добавленной в рассматриваемую единицу или отнятой у нее. Что касается качественной формы [этого утверждения], то можно смело утверждать, что эмпирический смысл этого обобщения нам хорошо известен. Внедрение же и проверка количественной формулировки должны подождать, пока будут разработаны удовлетворительные [процедуры] измерения скорости процесса действия и, следовательно, изменений в этой скорости. Однако если мы знаем, что именно нам нужно измерить, то нет никаких оснований считать, что это окажется невыполнимой задачей. Опять-таки, очевидно сходство этого обобщения с законом ускорения в классической механике.

Наконец, в нашем обсуждении имплицитно присутствовало обобщение, касающееся интегративных аспектов систем действия, и состояло оно в том, что между паттернами организации разных частей системы должен быть некоторый минимум структурной совместимости. Мы можем выразить это в динамических терминах, сказав, что выживание того или иного элемента-паттерна в системе действия будет отчасти функцией его вклада в интеграцию этой системы. А это, в свою очередь, означает, что как только такой паттерн организации появился, его тенденция к сохранению в системе или удалению из нее будет функцией этого вклада, то есть его совместимости с другими и образования вместе с ними интегрированной системы. Это можно назвать законом системной интеграции. К сожалению, у нас в настоящее время нет ясного представления о том, как дать ему количественную формулировку, но когда-то это должно стать возможным.

³⁵ Одна из версий этой модели коротко изложена ниже в главе 4.

В феноменологическом аспекте, то есть применительно к личностным системам, это обобщение оказывается «законом эффекта» в той его версии, которую сформулировал Олдс в главе II работы «*Ценности, мотивы и системы действия*»³⁶. Этот закон гласит, что закрепление усвоенного паттерна в системе личности или его удаление (угасание) есть функция того, что данная система является системой, то есть поддерживающей свои границы системой, или, как мы здесь говорим, [того], что она как система должна поддерживать некоторый уровень интеграции. В поведенческой версии именно об этом постоянно шла речь, особенно применительно к социальным системам, как о «функциональных предпосылках» систем, которые должны выполняться, чтобы система могла продолжать существовать. А следовательно, ничего нового в этом нет.

Нам хотелось бы поднять вопрос, ответить на который здесь мы пока не можем, относительно того, нет ли какой-то важной общей значимости в том, что с использованием четырехмерного пространства для системы мы нашли четыре фундаментальных обобщения, существенных для определения условий равновесия системы, описываемой в терминах этого пространства. Причина, по которой это кажется вероятным, заключается в том, что классическая механика имела три фундаментальных закона движения и работала в рамках трехмерного пространства. Более того, первые три из наших обобщений явно аналогичны трем законам Ньютона, а четвертое столь же очевидно связано с четвертым измерением пространства действия — измерением, которое не имеет аналога в пространстве классической механики. Кроме того, представляется очевидным, что необходимость как четвертого измерения, так и четвертого закона вытекает из того, что тут мы имеем дело с системами, поддерживающими свои границы.

Если все это верно, с откровенно заключенным здесь на данный момент элементом спекулятивности, то представляется вероятным, что существует очень важная аналогия между схемой, разработанной нами в этой статье, и классической механикой. Если это предположение выдержит всестороннюю критическую проверку, то очевидным образом должно оказаться, что из него вытекают далеко идущие следствия, ибо тогда оно должно будет открыть нам возможности как качественной, так и количественной систематизации, намного превосходящие те, которых науки о действии до сих пор достигли.

Для удобства представим краткие формулировки четырех обобщенных условий равновесия, или законов, только что нами рассмотренных.

1. *Принцип инерции*: Данный процесс действия будет оставаться неиз-

³⁶ Values, Motives and Systems of Action. P. 123-124. В этой коллективной монографии авторство конкретных положений не разграничивалось, однако здесь следует признать, что данная идея была внесена Олдсом.

менным по скорости и направленности, если не столкнется с препятствием и не будет отклонен в сторону противостоящими мотивационными силами.

2. *Принцип действия и противодействия:* Если в системе действия происходит изменение в направлении процесса, то обычно оно будет уравновешиваться комплементарным изменением, равным ему по мотивационной силе, но противоположным по направленности.

3. *Принцип усилия:* Всякое изменение в скорости процесса действия прямо пропорционально величине приложенной или отнятой мотивационной силы.

4. *Принцип системной интеграции:* Любой паттерновый элемент (или способ организации компонентов) в системе действия будет обычно закрепляться на своем месте внутри системы или удаляться из системы (уничтожаться) в зависимости от его вклада в интегративный баланс системы.

V

Если теоретическая схема, предлагаемая здесь, обладает той степенью общности и логической интеграции, которой, как мы считаем, она обладает, то со временем, несомненно, станет возможно, пользуясь ею, получить целый ряд гипотез для трактовки эмпирических проблем. Попытка сделать это в данной статье увела бы нас слишком далеко. Однако символический процесс, как мы увидели, обладает столь фундаментальной важностью для всего предприятия, которое мы затеяли, что мы чувствуем себя обязанными попытаться коротко связать общую схему с этой областью.

Во-первых, трактовка действия как изменения местоположения в четырехмерном пространстве дает нам новый способ определения того, что мы имеем в виду под различными видами «символических актов»; и, во-вторых, мы можем вывести гипотезы относительно условий, которые будут способствовать обретению ситуационным объектом разных видов символической значимости. Рассмотрим сначала определение символических актов.

Символизация — это придание ситуационному объекту в когнитивном и катектическом контекстах «вторичной» значимости, вторичной по отношению к тому, что можно назвать «основным» объектом катексиса, или к цели³⁷. В терминах внешнего действия, то есть поведения, такой основной акт есть то, что мы назвали «исполнением», то есть изменение местоположения в измерении инструментального целедостижения. Символический акт тоже должен заключать в себе некоторое движение в этом измерении, он должен быть наблюдаемым исполнением. Но символическим этот акт будет постольку, поскольку движение в этом измерении *невелико* по сравнению с

³⁷ Не следует ли и сам основной объект также рассматривать как символизируемый, будет обсуждено ниже в главе 5.

движением в одном или более других измерениях.

Более того, наша схема измерений дает нам основу для различения трех разных видов символических актов соответственно тому, в котором из других трех измерений, помимо инструментального, движение является наибольшим. Таким образом, мы можем сказать, что такой акт является в первую очередь «экспрессивным символом», если основное движение происходит в измерении снятия напряжения, или экспрессивном измерении, иначе говоря, при условии, что прирост инструментального целедостижения невелик, тогда как повышение экспрессии, или снятия напряжения, велико.

Аналогичным образом, акт является в первую очередь «когнитивным символом», если основным измерением движения является не экспрессивное измерение, а измерение адаптации. Тогда акт будет прежде всего значимым для повышения адаптации, или когнитивного «научения», которое он производит, в то время как прирост инструментального целедостижения опять-таки невелик. Действие, ориентированное прежде всего в адаптивном измерении, стало быть, можно назвать «исследовательским» действием.

Наконец, то, что было названо «оценочным символизмом»³⁸, можно в той мере, в какой он образован внешними актами, то есть исполнениями, толковать как случай, в котором основным измерением движения является интегративное измерение и, на фоне небольшого прироста инструментального достижения, имеется большое приращение (или убывание) системной интеграции. Читатели, знакомые с работой Дюркгейма, немедленно заметят, что на уровне социальной системы такое относительно большое приращение интеграции есть то, что, как он полагал, происходит с социальной системой благодаря некоторым типам религиозного ритуала. На уровне личности, соответственно, это можно считать происходящим в случае некоторых «ритуалов», выполняющих функцию снятия тревоги. Тревогу, вероятно, можно толковать как показатель угрозы системной дезинтеграции.

Кроме того, должно быть ясно, что если это верный подход к предмету, то лишь в некоторых случаях символическое действие должно рассматриваться как процесс «замещающего удовлетворения». Такая трактовка была бы верной только для тех случаев, когда сама система интегрирована столь несовершенно, что «нормальное» движение в одном или более измерениях «блокируется». Интерпретация этих утверждений, разумеется, ставит сложные проблемы, и их рассмотрение мы отложим на потом.

Обратной стороной приведенной классификации типов символических актов является анализ оснований, на которых ситуационные объекты обретают символическую значимость. Такая значимость, можно сказать, приобретается через процесс, который мы назвали «генерализацией катексиса». Когда основной объект, то есть целевой объект или объект, катекти-

³⁸ «Социальная система», глава IX.

руемый в качестве целевого объекта, но так непосредственно не трактуемый, стал эмоционально важным, другие объекты ситуации — объекты-средства или просто объекты, иначе с ним связанные, — также катектируются таким образом, что вокруг «основного» объекта выстраивается «символический комплекс».

Если выразить это чуть-чуть иначе, объект не может приобрести этот вторичный катексис, не ассоциировавшись со значимым опытом актора, то есть с катексисом основного объекта и приростами и падениями удовлетворения в связи с ним. Тогда вид символической значимости, который он приобретает, и стандарты отбора его как значимого символа или отвержения его как такового будут зависеть от того, с какого рода «символическим опытом» объект оказался ассоциирован.

Если значимым опытом является инструментальное целедостижение, то есть если наибольшее движение действия происходит в этом измерении, тогда ассоциированные объекты будут катектироваться прежде всего в рамках их инструментальной значимости как средств, если, конечно, они сами по себе не имеют внутренней значимости объектов-средств, или когнитивно-адаптивных символов. Они суть знаки, указывающие на инструментально значимые черты ситуационного мира.

Во-вторых, если первично значимый опыт располагается в измерении изменения уровня экспрессивного напряжения, то объекты будут иметь тенденцию катектироваться прежде всего как экспрессивные символы (при этом всегда необходимо помнить, что конкретный символ является одновременно и экспрессивным, и когнитивным). Важно заметить, что движение может идти либо в позитивном, либо в негативном направлении. Поэтому и когнитивные, и экспрессивные символы могут служить как «предупреждениями» о грозящих лишениях, так и выступать в роли «обещаний» ожидаемого удовлетворения. В силу генерализации катексиса, стало быть, символический объект вызывает то же чувство, что и основной объект, хотя не обязательно столь же интенсивное. Поэтому от экспрессивного символа можно испытывать прямое удовольствие и непосредственный страх. Это важнее всего; речь идет *не просто* о «референте», на который указывает символ.

Наконец, если первичным контекстом значимого опыта служит контекст системной интеграции — то есть, в рамках социальной системы, переживание повышения или понижения солидарности с другими в коллективе или, в рамках личности, переживание уменьшения или возрастания конфликта, — то вторично катектируемый объект будет иметь тенденцию быть «оценочным» символом. Так, мы можем говорить об опыте «религиозного обращения» как об ощущении разрешения конфликтов, а о религиозном символизме, ассоциированном с этим опытом, — как об оценочном символизме для обращенного.

Общая формула для установления символической значимости объекта будет, следовательно, состоять в том, что объект должен переживаться как

часть ситуации, в которой происходит значимое движение действия, с большим приростом удовлетворения или лишения по крайней мере в одном измерении. Тогда первичный *тип* символической значимости, приобретаемой объектом, будет зависеть от того, в каком из измерений происходит наибольшее движение. Наконец, движение может быть позитивным или негативным по направлению; следовательно, значимость символов будет дифференцироваться относительно этой полярности. Символ может катектироваться позитивно и обозначать возможности удовлетворения или надежды на него; с другой стороны, он может катектироваться негативно и обозначать возможности лишения и страх перед ним. То, что иногда называют «базовой тревожностью», является с этой точки зрения, как можно догадаться, паттерном генерализации негативного символизма, и он, прежде всего, глубоко впечатан в интеграцию личности как системы.

VI

Эта статья разрослась уже настолько, что в заключение можно сказать лишь немного. Разумеется, окончательной проверкой важности того синтеза прежде разрозненных теоретических элементов, который мы здесь представили, будет расширение кодификации существующего эмпирического знания и дальнейшее развитие генерализованного знания с помощью исследований. Оба автора рассчитывают посвятить этим вопросам много внимания, но даже сегодняшние предварительные предложения в этом направлении не могут быть здесь представлены. Мы вынуждены ограничиться формулировкой лишь нескольких общих соображений, которые мы пожелали бы иметь в виду читателю при оценке этой статьи.

Первое и в некоторых отношениях самое важное из этих соображений касается границ применимости той фундаментальной концептуальной схемы, которая здесь рождается. Мы считаем, что новый уровень теоретической генерализации, представленный в этой статье, прочно подтверждает ту ранее принятую нами точку зрения, что теория действия — это концептуальная схема, не привязанная ни к какому конкретному «уровню» изучения процесса действия в спектре от микроскопического до макроскопического.

Мы предполагаем, что в основных своих чертах развиваемая здесь схема применима во всем диапазоне от феноменов «поведенческой психологии» на досимволических уровнях животных и младенцев до анализа самых крупных по масштабам социальных систем. Основной ключ к этому широкому диапазону применимости кроется в том факте, что то, что на одном уровне является системой, возможно трактовать на следующем, «более высоком», уровне как точку отсчета, то есть как «частицу», или системную единицу, более крупной системы. Так, то, что мы назвали потребностной диспозицией, является с точки зрения элементарной психологии поведения сложной системой мотивационных и культурных компонентов; однако с

точки зрения анализа более сложных подсистем личности или всей личности как системы она может трактоваться как частица, как системная единица в указанном смысле. То, что потребностная диспозиция *сама* является поддерживающей свои границы системой, служит существенным условием этой трактовки. Аналогичным образом, минимальная ролевая единица системы социального взаимодействия может с какой-то точки зрения рассматриваться как сложная система, образующаяся из требуемых потребностно-диспозиционных компонентов личностей эго или альтер и из ряда компонентов ситуации. Но с точки зрения анализа системы взаимодействия она становится также системной единицей, которая может трактоваться как единица в ее включенности в остальную систему. Опять-таки, то же самое может быть верным для все более и более сложных ролевых констелляций. Наконец, сам коллектив может трактоваться как актер. По сути это означает, что хотя с иной точки зрения коллектив безусловно является сложной системой, как единица процесса взаимодействия он может также трактоваться как системная единица, которую можно разместить в пространстве действия и анализировать во взаимозависимости с другими единицами той же системы.

Пожалуй, это самая фундаментальная черта общности (generality) той концептуальной схемы, которую мы представили. В некоторых отношениях эта общность уже давно была очевидной и была зафиксирована в наших прежних публикациях, но теперь мы можем сформулировать ее и ее методологическую основу гораздо точнее, чем раньше.

Такая общая применимость от микроскопических до макроскопических уровней не должна интерпретироваться эмпирически без надлежащего учета тех эмерджентных феноменов, которые возникают на разных уровнях организации систем действия. Мы неоднократно повторяли, что наиболее фундаментальным из них, пожалуй, является развитие подлинной символизации и, следовательно, возможности культуры. С этим тесно связано фундаментальное отличие той системной референции, когда системой является личность или ее подсистема, от той, которая предполагается, когда речь идет об обществе или его подсистеме. При использовании этой схемы все эти соображения нужно ясно иметь в виду. Особенно важно сознавать, что, как мы уже указали, это не схема для прямого анализа культурного изменения, хотя наверняка выяснится, что она является существенной частью схемы, необходимой для такого анализа. Феномены культуры, ее развития и изменения, несомненно, включают в себе факторы, не сформулированные напрямую в настоящей схеме. Мы сосредоточили внимание на процессах сохранения равновесия в четко определенных и, строго говоря, гипотетических системах действия.

Сконцентрировав таким образом свое внимание, мы всячески старались не предполагать наличия какой-то непреложной презумпции, что эм-

пирические системы должны оставаться в состоянии равновесия или возвращаться в некое заданное состояние, когда равновесие было нарушено. Мы просто используем понятие равновесной системы как теоретическую модель. Совершенно ясно, что процесс культурного изменения является, как минимум на некоторых уровнях, примером того, что данное исходное равновесие разрушается и заменяется новым состоянием системы. Анализ подобных процессов требует дальнейших шагов, выходящих за пределы того, что здесь было представлено. Однако мы считаем, что успешнее всего они будут проанализированы путем расширения разработанной нами схемы, а не путем замены ее совершенно иной по типу схемой. При этом мы хотели бы ясно заявить, что мы довели наш анализ лишь до определенной точки и прежде, чем некоторые виды применения этой схемы смогут стать возможными, его необходимо развить дальше.

Оставляя это на будущее, мы можем, однако, назвать две чрезвычайно важные области неотложной работы в других направлениях. Мы давно считали, что главные препятствия для кумулятивного развития наук о действии кроются *прежде всего* не в трудности выявления необходимых фактов и не в каких-либо неустраняемых методологических ограничениях, накладывающихся на научное изучение человеческого поведения, а в определении обладающих достаточно генерализованной значимостью переменных, которые важнее всего измерить, и в дальнейшем изобретении техник для измерения именно этих переменных. Мы считаем, что самый важный непосредственный вклад настоящей статьи состоит в том прогрессе по направлению к этой цели, который в ней задокументирован. Мы предложили схему, смысл которой, видимо, в том, что для любого данного системного процесса в поле действия требуется относительно небольшое число измерений, чтобы достичь в высокой степени генерализованного анализа, из которого могут выводиться определенные дедукции. Иначе говоря, мы должны определить систему, а также число и характер единиц в этой системе. Мы должны быть способны разместить каждую единицу в пространстве действия относительно начала координат и, тем самым, относительно других единиц и измерять изменения этого местоположения во времени для каждой единицы. В конечном счете, нам нужно научиться измерять скорости процесса действия и изменения в этих скоростях.

Мы отмечали, что поведенческие единицы, которые должны быть единицами эмпирического наблюдения, со всей вероятностью не могут быть системными единицами. В сущности это означает, что теория действия вряд ли сможет обойтись без использования промежуточных переменных. Между тем уже достигнут большой прогресс в развитии [методов] измерения некоторых поведенческих единиц и в связывании их с понятием теоретической системы, относительно которой они интерпретируются как значимые.

Мы считаем, что выдвинутая здесь схема достаточно интегрирована, чтобы оправдать [предпринимаемые] на разных уровнях интенсивные по-

пытки развить эти [методы] измерения поведенческих единиц, которые, как можно показать, имеют в данном контексте особую теоретическую значимость.

Вторым основным направлением усилий, которое, на наш взгляд, может принести очень плодотворные результаты, является работа с логическими взаимосвязями переменных такой системы. Мы опять же считаем, что наша теоретическая работа подошла в данный момент к той точке, где от этого типа работы можно ждать гораздо более плодотворных результатов, чем в прошлом; в частности, кажется многообещающим путь конструирования математических моделей для различных частей этой теоретической схемы.

Ни одна из этих задач не должна считаться важной в ущерб кодификации существующего знания или расширению теоретической схемы, выводящему ее в сферу анализа изменений в фундаментальном характере систем, особенно тех изменений, которые заключают в себе замену культурных компонентов. Но мы считаем, что усилия, направленные на измерение и математические задачи, по всей видимости, уже в сравнительно скором времени принесут важные научные достижения.

Перевод с англ. В.Г. Николаева

✦ Вопросы теории и методологии

П.Ф. КРАВЧУК, В.В. Зотов

ЛИЧНОСТЬ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В концептуальных моделях многих социологов конца XX в. (например, Н. Лумана, Ю. Хабермаса и др.) теория коммуникаций становится основной методологической базой для изучения социальных явлений и процессов. Общество при этом представляется самовоспроизводящейся структурой, носящей целостный характер в силу коммуникативных связей своих членов. "Общество только кажется статичной суммой социальных институтов: в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами"². Написанные Э. Селиром в 30-е гг. XX в. строки становятся отправным пунктом для современной теории социальных коммуникаций.

Новый методологический подход, безусловно, позволил значительно расширить наше представление об обществе как коммуникативном пространстве, выявить структуры социальной коммуникации, ценностный характер коммуникаций, её культурные и языковые особенности. Но существует неоднозначность определения социальной коммуникации, которая рассматривается как процесс установления социальных связей, как механизм передачи смыслов, как движение смыслов в социальном времени и пространстве, как основа процесса общественного обмена, как взаимообмен не только смыслами, но и как вещественный и энергетический обмен, как обмен, который порождает взаимосвязь и саму общность³.

¹ Кравчук Павлина Феодосьевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и социологии Курского государственного технического университета. Зотов Виталий Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии данного университета.

² Селир Э. Коммуникация // Селир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

³ Павенкова М.В. Социальные коммуникации и информация: исследование, образование, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. Вып. 1.